

Центр информации по правам человека

Эстония: межэтнические отношения и проблема дискриминации в Таллине

Таллин
2006

Эстония: межэтнические отношения и проблема дискриминации в Таллине
В.Полещук, А.Саар, А.Семенов, К.Халлик

Русский перевод: Л.Шер и М.Шугайло

Верстка и дизайн обложки: И.Заболотная

ISBN: 978-9985-9542-4-9

ISBN: 9985-9542-4-6

Исследование поддержал

Ф О Н Д
ЕВРОРЕГИОН ЛИВОНΙΑ
Т А Л Л И Н

© Центр информации по правам человека, 2006

Центр информации по правам человека, LICHHR

Почтовый адрес: Nunne 2, 10133 Tallinn, Estonia

Телефон: (372) 64 64 270

Факс: (372) 64 64 272

Электронная почта: centre@lichr.ee

Интернет: www.lichr.ee

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей СЕМЕНОВ	Предисловие	4
Андрус СААР	Воздействие советского наследия на установки в сфере межэтнических отношений	6
Клара ХАЛЛИК	Множественность гражданства и самоопределение в эстонском обществе	18
Вадим ПОЛЕЩУК, Алексей СЕМЕНОВ	Межэтнические отношения и неравное обращение	34

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник представляет собой анализ результатов опроса двух основных групп населения Таллина: эстонской и русской (русскоязычной). Это уже второе исследование такого рода, выполненное на базе Центра информации по правам человека. Предыдущий опрос проводился в 2001 году в рамках таллинской городской программы интеграции, которую готовил Департамент общественной безопасности и интеграции. К сожалению, указанный департамент вскоре прекратил свое существование по политическим причинам, и городская интеграционная программа не была проведена в жизнь. Тем не менее Центр подготовил публикацию основных результатов исследования, которые были изданы в 2002 году под заголовком «Интеграция в Таллине 2001». Необходимо отметить, что публикация не являлась монографией в строго академическом смысле. Анализ данных опроса был выполнен независимо друг от друга тремя исследователями: Александром Плоткиным, Алексеем Семеновым и Кларой Халлик, каждый из которых самостоятельно определял тему своей статьи и выбор признаков для анализа. Таким образом, ответственность за выводы и интерпретацию результатов целиком принадлежала авторам. Естественно, что в ряде случаев одни и те же данные интерпретировались по-разному в соответствии с общей установкой и ориентацией каждого исследователя. Тем самым сборник представлял собой своеобразный «диалог» авторов.

Эта диалоговая форма анализа, возникшая в силу обстоятельств и специфической предыстории проекта, оказалась удачной и интересной. Возможность неоднозначной и индивидуальной подачи исходных данных, их интерпретации и соответствующих выводов, как нам представляется, имеет дополнительное эвристическое значение. Поэтому при подготовке исследования 2005 года мы планировали именно такую форму публикации. На этот раз анализ материалов осуществили два эстоноязычных (Андрус Саар и Клара Халлик) и два русскоязычных автора (Вадим Полещук и Алексей Семенов), каждый снова самостоятельно выбирал тему для своей статьи и набор признаков для анализа в соответствии с собственными научными и общественными приоритетами. В процессе подготовки публикации оказалось, что работы Семенова и Полещука в значительной мере совпадают как по выбранным темам анализа, так и по выводам, а оставшиеся части дополняют друг друга. Поэтому мы решили объединить эти статьи в одну.

В настоящем проекте, как и в 2001 году, проводилось обследование обеих основных групп населения Таллина – эстонцев и неэстонцев («русских»). Это позволило зафиксировать сходство и различие взглядов, ожиданий и установок, их динамику за прошедшие 4 года, а также определить наиболее существенные проблемные области стратегического планирования интеграционных процессов и проблем борьбы с дискриминацией (сегрегацией).

Фиксируемые индикаторы:

- Установки и отношения в сфере власти и политики. Контакты с институтами власти, отношение к этим контактам (удовлетворенность), доверие к институтам власти, общественным и политическим организациям.
- Межэтнические контакты: частота, интенсивность, удовлетворенность, динамика и ожидания с точки зрения разных групп; языковая ситуация.
- Неравенство и дискриминация: личный опыт, восприятие ситуации, осознание причин и следствий.
- Ожидаемые и предпочитаемые модели поведения групп в ситуации мультикультурного общества – совпадение-расхождение установок.
- Установки на межэтническую открытость – этническую замкнутость.
- Общие ценностно-установочные ориентации на модели развития общества: установки по оси «этнократия – гражданское общество».
- Особенности идентичности русских в ситуации эстонского национального государства.
- Отношение к планируемой реформе русскоязычного гимназического образования (переход к преподаванию на эстонском языке 60% предметов).

Реализация проекта

Исследование проводилось на базе Центра информации по правам человека. Для его проведения была создана рабочая группа как из работников Центра, так и специалистов, привлекаемых со стороны на контрактной основе. Работники Центра обеспечили техническое обслуживание исследования.

Основным инструментом исследования являлся анкетный опрос. Была подготовлена анкета, содержащая 56 признаков-вопросов. В том числе, 43 содержательных признака и 13 социально-демографических показателей. Всего вопросник включал 195 переменных (переменная означает информативный показатель в отличие от признака, в котором может быть любое число переменных).

Опрос проведен в сентябре 2005 года по стандартной репрезентативной выборке для Таллина фирмой SAAR POLL. Всего опрошено 700 человек (по 350 анкет на эстонском и русском языках). Из них 325 респондентов были эстонцами и 375 – неэстонцами.

А. Семенов

Краткие сведения об авторах

Вадим Полещук, аналитик, Центр информации по правам человека (Таллин)
Андрус Саар, директор, социологическая фирма SAAR POLL (Таллин)
Алексей Семенов, директор, Центр информации по правам человека (Таллин)
Клара Халлик, старший научный сотрудник, Институт международных и социальных исследований (Таллин)

Воздействие советского наследия на установки в сфере межэтнических отношений

Андрус СААР

Опыт прошлого оказывает большое воздействие на формирование современных установок человека. Часть установок легче подвержена изменениям, но некоторые под влиянием окружения требуют для изменения довольно длительного времени. Мировая практика показала, что установки в сфере межэтнических отношений весьма устойчивы и трудно поддаются изменениям. Можно полагать, что установки в этой сфере значительно ригиднее и меньше поддаются изменениям, чем, скажем, в области экономики. Экономические установки, как и установки вообще, могут у людей меняться с трудом, но изменения все же происходят под прямым воздействием внешних факторов, что вынуждает в любом случае считаться с реалиями. Ведь игнорирование этих реалий приводит к тому, что страдает экономическое положение самого носителя установок. Но гораздо меньше внешнее давление, побуждающее к изменению установок по отношению к другим этническим группам.

В данном анализе выдвигается гипотеза, что, несмотря на очень быстрые изменения в обществе Эстонии, в «национальном вопросе» сохраняются некоторые установки, сформировавшиеся в годы существования Советского Союза, они до сего дня представлены достаточно сильно и оказывают воздействие на установки людей в тех вопросах этнических отношений, которые с прошлым не связаны.

Мы полагаем, что базовые оценки и установки относительно позиций эстонцев и русских (неэстонцев) в Эстонии советского периода являются межпоколенческими, т.е. почти одинаково влияют на представления как людей старшего возраста, так и молодежи. И молодые люди, жившие в условиях советского строя очень недолгий период, столь же сильно продолжают сохранять установки в «национальном вопросе», как и пожилые, прожившие основную часть жизни в Советской Эстонии. Очевидно, эти установки должны сильнее проявляться скорее у эстонцев, чем у неэстонцев. Причина того – различная интерпретация превращения суверенной Эстонской Республики в Советскую Эстонию.

Указанные различия в трактовке истории предположительно должны достаточно хорошо отражаться в оценках и установках относительно того, каков был статус той или иной этнической группы в Эстонии в советский период.

Эстонцы и неэстонцы находятся на разных позициях в вопросе - находились ли русские по сравнению с эстонцами в советское время в преимущественном положении? Эстонцы более всего склонны считать, что так оно действительно и было (44,3%). Неэстонцы твердо придерживаются убеждения, что этого точно не было (56,7%). Среди эстонцев гораздо больше тех, кто полагает, что совершенно точно предпочтение отдавалось русским. Таковых почти в 7 раз больше, чем среди неэстонцев.

Таблица 1. Считаете ли вы, что в «советское время» русские находились в привилегированном положении по сравнению с эстонцами?

	Эстонцы		Неэстонцы	
	Число	%	Число	%
Да, безусловно	96	29,5	16	4,3
Да, в какой-то мере	144	44,3	97	25,9
Нет	28	8,6	216	57,6
Затрудняюсь ответить	57	17,5	46	12,3
ВСЕГО	325	100,0	375	100,0

Установки эстонцев

По поводу эстонцев можно утверждать, что возраст не является существенным признаком, дифференцирующим установки. Лишь среди людей старше 60 лет несколько больше тех, кто разделяет мнение о том, что русские наверняка находились в более предпочтительном положении. Таким образом, принадлежность к поколению не играет существенной роли в формировании установки о положении русских в Советской Эстонии.

Более бедные люди скорее склонны к утверждению, что русские находились в привилегированном положении, это мнение разделяют и люди с более низким уровнем образования. С учетом того, что люди старшего возраста и наиболее бедные в эстонском обществе, как правило, представляют одну группу, в данном случае два эти фактора дополняют друг друга.

Оценки, которые эстонцы дают положению этнических групп в советский период, достаточно тесно связаны с общими установками в отношении неэстонцев и этнополитики. Эта взаимосвязь видна на примере хотя бы двух факторов – отношение к вопросу о гражданстве и отношение к работе в мультиэтническом трудовом коллективе.

Те люди, которые считают, что в Эстонии право быть гражданином принадлежит прежде всего «коренной национальности», потому что это «ее земля», значительно чаще занимают позицию, что русские были в более предпочтительном положении, чем эстонцы (наверняка русским отдавалось предпочтение – 42%). 29% тех, кто считает, что русским наверняка отдавалось предпочтение, разделяет точку зрения, что каждый обладает правом иметь гражданство страны, в которой он постоянно живет и с которой больше всего связан.

Ретроспективная оценка положения различных этнических групп дифференцируется и в зависимости от отношения к этническому составу трудового коллектива. Из числа тех, кто предпочитает работать исключительно в эстонском или смешанном коллективе, 43% совершенно уверены, что русским отдавалось предпочтение. Среди людей с индифферентным отношением (мне все равно, каков этнический состав трудового коллектива), носителей твердого убеждения о привилегированности русских было 28%. Это означает, что этническое происхождение не имеет для этих людей первоочередного значения: им все равно, моно- или мультиэтничен трудовой коллектив, респондент считает существенными другие характеризующие его признаки. Ту же тенденцию можно наблюдать и в отношении вопроса, кого респонденты хотели бы видеть в качестве своих соседей. Люди с индифферентным отношением и в части вопроса, кому в т.н. русское время отдавалось предпочтение, занимают гораздо более нейтральную позицию, чем те, кто выбирает и трудовой коллектив, и соседей по этническому признаку (моно- или мультиэтничные).

Довольно показательно, что интерес к русской культуре (или его отсутствие) не дифференцирует мнение эстонцев.

Неэстонцы

Чем старше человек, тем больше вероятность того, что он будет отрицать предпочтение, отдаваемое в советский период русским по сравнению с эстонцами. Следовательно, взгляды более молодых людей формировались под воздействием новых обстоятельств и не настолько ригидны, как у более старших. Те, кто считают себя более бедными, несколько больше уверены в том, что предпочтение русским не было. Например, среди 20-29-летних 53% тех, кто отрицает предпочтение русским, а среди 60-74-летних таковых 75%.

Для неэстонцев фактор образования практически не играет никакой дифференцирующей роли. Их позиции аналогичны во всех группах, различаемых по уровню образования.

Потомственные граждане Эстонской Республики менее всего уверены в том, что русским предпочтение не оказывалось (42% полагают, что не было предпочтения). Граждане России и лица, не определившиеся с гражданством, в данном вопросе гораздо больше поддерживают точку зрения, что предпочтение русским не оказывалось (соответственно 76% и 74%).

Оценки неэстонцев, касающиеся положения этнических групп в Советской Эстонии, крепко связаны с их общим «эгалитарным» подходом и предпочтениями практически во всех областях этнических отношений. Далее рассмотрим некоторые из них:

- гражданство

Те, кто считает, что каждый обладает правом иметь гражданство того государства, в котором он постоянно живет и с которым больше всего связан, гораздо более уверены в том, что предпочтение русским не было (68%), по сравнению с теми, кто считает, что правом гражданства обладает в первую очередь «коренная национальность» этого государства, потому что это «ее земля» (30%).

- политическое участие

Те неэстонцы, которые считают, что государством должны управлять представители «коренной национальности» и люди, доказавшие свою лояльность, меньше убеждены в том, что в советское время не было предпочтения русским. Среди людей данной категории значительно больше тех, кто счел, что предпочтение русским отдавалось наверняка (14%), по сравнению с теми, кто полагает, что правом гражданства обладает в первую очередь «коренная национальность» этого государства, потому что это «ее земля» (среди них 4% тех, кто считает, что наверняка в советское время русским отдавалось предпочтение перед эстонцами).

- «коллективные права» этнической группы

Аналогичные тенденции проявляются и в других вопросах, касающихся предпочтений в отношении к культуре «коренной национальности», политическим правам «коренной национальности» или равного обращения. Те, кто придерживаются точки зрения, что «коренная национальность» обладает большими правами по сравнению с другими этническими группами, больше уверены в предпочтении русских эстонцам в советское время, чем придерживающиеся принципа равного обращения. Последние гораздо больше уверены в том, что предпочтения русским в «русское» время не было.

Те респонденты, которые в своих прогнозах предвидят, что в будущем контакты с эстонцами станут у них гораздо чаще, меньше убеждены в том, что русским отдавалось предпочтение, по сравнению с теми, которые прогнозируют более редкие свои контакты с эстонцами.

Русские, предпочитающие моноэтничную среду, значительно чаще утверждают, что в советское время не было предпочтения русских эстонцам, по сравнению с людьми, предпочитающими смешанные по этническому составу трудовые коллективы либо не придающими этническому происхождению никакого значения. В этом смысле в отношении эстонцев и неэстонцев наблюдается достаточно большое сходство. Отрицание большого значения этнического происхождения влечет за собой и более мягкие оценки прошлого. Меньше проявляется черно-белая картина мира.

Важно не столько то, имела ли и если имела, то сколь значительные преимущества та или иная этническая группа в Советской Эстонии, сколько то, в чем виделась реализация этих предпочтений.

Этот вопрос рассматривался в ходе исследования по 12 признакам, охватывавшим области как политики и экономики, так и культуры (см. таблицу 2).

По мнению эстонцев русским было гораздо легче, чем эстонцам, получить квартиру, быть избранными в органы власти, пользоваться родным языком, ездить за границу, получить хорошую работу, сделать карьеру. Небольшое преимущество эстонцев перед русскими отмечается в двух группах: возможности получения высшего образования, возможности пользоваться благами культуры (книги, театры, музеи и т.д.)

По мнению неэстонцев, эстонцам отдавалось предпочтение прежде всего в следующих сферах: получить хорошую работу, высокую зарплату, сделать карьеру, быть избранными в органы власти, приобрести дачу, дом. Лишь один вид деятельности остается в пределах т.н. среднего балла шкалы – пользование родным языком. Т-тест показывает, что этнический признак в отношении практически всех рассматриваемых явлений является четким дифференцирующим признаком, за исключением одного – возможности пользоваться благами культуры (книги, театры, музеи и т.д.)

Эстонцы

У эстонцев возрастной признак положительно коррелируется лишь с одним явлением – получением квартиры. Чем старше эстонец, тем больше он уверен в том, что русские имели преимущество при получении квартиры.

Образование коррелируется со значительно бóльшим количеством явлений. Чем выше уровень образования эстонца, тем больше он уверен в том, что у русских были преимущества при выборах в органы власти, получении квартиры, выезде за рубеж, получении премий и наград.

В связи с полом можно выявить лишь одну статистически достоверную зависимость. Женщины больше мужчин убеждены в том, что русские получали больше квартир, чем эстонцы.

Неэстонцы

Очень интересно, что у неэстонцев два таких признака, как образование и пол, не коррелируются вообще ни с одним из заданных явлений. Это означает, что во всех образовательных и половых группах отношение примерно одинаковое. Нет большой разницы и между поколениями. Нет измерения временной дистанции. Это в значительной степе-

ни присуще и эстонцам. Но на оценки эстонцев без сомнения в качестве фонового фактора влияла историческая потеря, т.е. утрата независимости, что особенно видно на примере лиц старшего поколения, которые могли на собственном опыте испытать несправедливое обращение. В иных областях временная дистанция не имеет большого значения.

В целом исследование показывает, что более других социально-демографических факторов у эстонцев именно образование влияет на оценку прошлого в терминах этнического неравенства - чем выше уровень образования респондента, тем больше тенденция видеть в определенных сферах отдаваемое русским предпочтение.

У неэстонцев образование в этом вопросе не играет по сути никакой роли.

Таблица 2. Как вы считаете, кому в «советское время» было легче и проще?

(1 – эстонцам было легче, 4 – равные возможности, 7 – неэстонцам было легче)

	ПО ВЫБОРКЕ	Этническая группа	
		Эстонцы	Неэстонцы
Получить квартиру	4,67	5,59	3,86
Пользоваться родным языком	4,65	5,09	4,26
Выезжать за границу	4,46	5,03	4,01
Быть избранным в органы власти	4,37	5,23	3,66
Вступить в компартию	4,36	4,94	3,86
Получать премии (грамоты, медали, дипломы)	4,27	4,65	3,95
Участвовать в работе общественных организаций	4,23	4,57	3,95
Сделать карьеру	4,17	4,85	3,60
Приобрести дом, дачу	4,16	4,77	3,66
Устроиться на хорошую работу	4,11	4,83	3,49
Получить высшее образование	4,03	4,24	3,86
Получать высокую зарплату	4,03	4,61	3,54
Пользоваться благами культуры (книги, театры, музеи и т.д.)	3,98	3,99	3,97

Распределение частоты отдельных признаков дает общее представление о том, в каких областях столичные эстонцы и неэстонцы по-разному оценивают свое положение в прошлом. На уровне общества или этнической группы отдельные признаки связаны между собой, и выяснение таких связей помогает определить имеющиеся в данном вопросе стереотипы мышления. Если человек полагает, что неравенство выражалось, скажем, в распределении квартир, то важно выяснить, в чем еще он видит проявление неравенства или же данный отдельный признак стоит совершенно отдельно и не связан с другими сферами неравенства?

Чтобы выявить, стереотипы общественного сознания в Эстонии, использовался метод факторного анализа (анализа основных компонентов). По итогам анализа можно выделить пять различных парадигм мышления (см. таблицу 3).

Первая парадигма (фактор) сводит воедино в первую очередь атрибуты, связанные с **властью**: зарплату, высшее образование, хорошую работу, карьеру и связь с органами власти, а в определенных случаях - и возможность получения квартиры.

Второй фактор указывает на создаваемые в советской системе **преимущества для избранных**, возможности «поощрения», которые касались ограниченного контингента людей: поездки за рубеж, предоставление квартир, получение премий и наград, возможности приобретения дачи, дома.

Третий фактор касается возможностей **завоевания общественной позиции**: возможность вступить в компартию, участвовать в работе общественных организаций и быть избранным в органы власти.

Четвертый фактор состоит из одного признака: возможность пользоваться **родным языком**.

Пятый фактор также концентрируется на одном признаке: возможность пользоваться **благами культуры** (книги, театры, музеи, и т.д.)

Четвертый и пятый факторы могут во многих случаях совпадать, но в то же время они в установках различных социальных групп являются четко дифференцирующими.

Таблица 3. Как формируются установки

	Факторы				
	I	II	III	IV	V
Получать высокую зарплату	,803	,273	,143	,252	,068
Получить высшее образование	,758	,063	,120	-,088	,432
Устроиться на хорошую работу	,722	,375	,188	,329	-,019
Сделать карьеру	,690	,327	,344	,258	-,146
Быть избранным в органы власти	,540	,343	,492	,274	-,044
Выезжать за границу	,236	,817	,224	,034	,038
Получить квартиру	,526	,583	,183	,218	-,027
Получать премии (грамоты, медали, дипломы)	,203	,571	,133	,467	,117
Приобрести дом, дачу	,502	,504	,206	,154	,209
Вступить в компартию	,056	,271	,827	,119	,054
Участвовать в работе общественных организаций	,343	,075	,803	,087	,100
Пользоваться родным языком	,233	,141	,159	,875	,103
Пользоваться благами культуры (книги, театры, музеи и т.д.)	,071	,074	,073	,116	,941

Факторный анализ позволяет выявить, какие парадигмы отношений существуют у населения Эстонии, но не позволяет судить о том, насколько та или иная парадигма распространена, сколько у данного образа мышления представителей в обществе в целом. Для преодоления этой проблемы использовался метод кластерного анализа, за основу которого была взята средняя величина шкалы признаков конкретного респондента. При анализе многочисленных вариантов кластерного анализа оказалось целесообразно выделить пять основных кластеров.

Кластеры распределились по величине следующим образом: к первому типу относятся 5,9% всех опрошенных, ко второму типу – 12,9%, к третьему – 9,9%, к четвертому – 22,7% и к пятому – 48,7% опрошенных.

В дальнейшем обзоре мы называем кластеры типами, потому что этот термин лучше характеризует совокупность выборки, поскольку мы рассматриваем группы как целое, сравнивая их между собой. Тип характеризует общую часть присущего группе поведения и мышления, противостоящую другим типам.

Таблица 4. В какой сфере эстонцы/неэстонцы имели преимущества в советское время?

Средняя частота признаков по кластерам

	Кластеры (типы). Средняя частота признаков по шкале 1 – эстонцам было легче, 4 – равные возможности, 7 – неэстонцам было легче				
	1	2	3	4	5
Преимущества					
Участвовать в работе общественных организаций	3,51	5,18	3,22	4,62	4,03
Быть избранным в органы власти	1,68	6,09	2,64	5,36	4,01
Сделать карьеру	1,49	5,96	2,77	4,72	4,00
Получить высшее образование	2,37	4,76	3,64	4,23	4,02
Получать высокую зарплату	1,56	5,54	2,86	4,38	3,99
Устроиться на хорошую работу	1,34	5,97	2,64	4,55	4,01
Получить квартиру	2,29	6,39	3,54	5,43	4,18
Приобрести дом, дачу	2,32	5,76	3,46	4,30	3,98
Выезжать за границу	2,80	5,73	3,48	5,06	4,04
Пользоваться благами культуры (книги, театры, музеи и т.д.)	3,71	4,22	3,86	3,96	3,99
Пользоваться родным языком	3,51	6,09	4,04	4,99	4,22
Получать премии (грамоты, медали, дипломы)	3,37	5,37	3,78	4,45	4,01
Вступить в компартию	4,00	5,60	2,91	4,92	3,95

К первому типу относятся стопроцентно неэстонцы. Относящиеся к нему люди в своих оценках наиболее радикальны по сравнению с другими типами. По их мнению, эстонцы находились в преимущественном положении в сферах, связанных с **экономической властью**. Это означает, что в очень многих вопросах они уверены, что именно эстонцы находились в советское время в привилегированном положении. Ни в одном другом типе не наблюдается представление об эстонцах как находящихся в столь привилегированном положении. Ни в одном другом типе нет столько граждан России, лиц, не определившихся с гражданством, и граждан Эстонии, получивших гражданство в порядке натурализации. К первому типу относится меньше всего потомственных граждан Эстонии. К этому типу относится и больше всего лиц, которые и не собираются ходатайствовать о гражданстве Эстонии.

Удовлетворенность людей, относящихся к первому типу, интеграционной политикой средняя, не отличающаяся существенно от средних оценок, хотя больше отмечается тех, кто не может оценить эту политику ни как хорошую, ни как плохую.

Ни в одном другом типе не обнаруживается столько людей, которые полагают, что общество расколото (66%) или что этнические группы сегрегированы друг от друга (34%). По сравнению с другими типами они больше всего убеждены в том, что в Эстонии достаточно часто дискриминируются люди иных этнических групп (70%).

Ни в одном другом типе нет такой доли людей старше 50 лет (49%), в то же время людей в возрасте до 29 лет – меньше всего.

Люди, относящиеся к первому типу, не определяют четко иерархию проблем, связанных с интеграцией. Для них почти равное значение имеют следующие вопросы: проблемы, связанные с языком и культурой, правовые и политические аспекты интеграции и социально-экономические проблемы. Экономическое положение людей, относящихся к первому типу, - положение т.н. середняков.

Среди них больше всего тех, кто считает, что в советское время русские не были в привилегированном положении по сравнению с эстонцами (88%).

Контакты людей, относящихся к первому типу, с эстонцами стали по сравнению с периодом восстановления независимости Эстонии реже (54%). Этот показатель – самый высокий среди всех других типов. В то же время, среди них меньше всего людей, прогнозирующих усиление этих контактов в будущем.

Говоря о моделях поведения русских в будущем, они считают самым важным сохранение русского языка и культуры и гармоничное сосуществование двух сообществ (32%), на втором месте остается решение общих с эстонцами проблем, которые стоят перед государством (24%).

Относящиеся к первому типу люди крайне негативно настроены по отношению к некоторым законам Эстонской Республики, таким как Закон о языке, Закон о гражданстве, Закон об иностранцах и Закон об основной школе и гимназии. По меньшей мере, 3/4 людей, относящихся к данному типу, оценивают эти законы отрицательно. Из рассматриваемых законов наиболее положительное отношение проявляется к Закону о выборах собрания местного самоуправления.

Ко **второму типу** относятся 89% эстонцев и 11% неэстонцев, 52% мужчин и 48% женщин. По возрастной структуре состав типа близок к среднему, хотя людей в возрасте старше 60 лет в этом типе больше среднего. В соответствии с этническим самоопределе-

нием родным языком 90% относящихся к данному типу людей является эстонский, для остальных – русский либо какой-то иной язык.

Позиции людей этого типа во многом противоположны позициям людей первого типа. В нем усматривается мнение о более значительном предпочтении неэстонцев. Можно сказать, что люди, относящиеся к этому типу, в своем роде тоже наиболее радикальны. Отдававшееся неэстонцам предпочтение видят в первую очередь в **сферах власти**. К этому добавляется еще один существенный аспект: преимущество в получении квартиры. Материальное положение этих людей – среднее. По сравнению с другими типами к этому относится больше всего потомственных граждан Эстонии (96%).

При анализе состояния этнических групп в Эстонии 62% отвечавших выразили уверенность, что эти группы сегрегированы. Среди людей, относящихся ко 2-му типу, больше по сравнению с остальными типами тех, кто считает, что этнические группы равноправны (20%).

Из относящихся ко 2-му типу людей лишь 7% полагают, что в Эстонии существует дискриминация на этнической почве. Это – самый низкий показатель по сравнению с другими типами. Для людей, относящихся ко 2-му типу, проблемы интеграции связаны прежде всего с языком и культурой (59%). Это самый высокий показатель при том, что меньше других эти люди видят проблемы в юридической, правовой и социально-экономической сферах.

Если в 1-й группе чаще всего встречается отрицание того, что русские были в советский период в привилегированном положении, то относящиеся ко 2-му типу люди больше, чем в других типах, убеждены, что неэстонцы наверняка находились в предпочтительном положении по сравнению с эстонцами (57%). Лишь 2% сочли, что этого не было.

Установки людей, 2-го типа, по отношению к законам Эстонской Республики в основном положительны или нейтральны.

Оценивая причины, по которым в публичном секторе Эстонии на руководящих постах сейчас много эстонцев, люди, относящиеся ко 2-му типу, в первую очередь называют правовой статус эстонцев (36%), владение государственным языком (21%), активность и предприимчивость (16%). По сравнению с другими типами здесь встречается меньше всего ссылок на этничность (8%).

По частоте контактов с неэстонцами люди, относящиеся к данной группе, не отличаются от средних данных по республике. Люди 2-й группы, прогнозируют, что их контакты с неэстонцами станут чуть более частыми.

К **третьему типу** относятся преимущественно неэстонцы. Они составляют 96%, эстонцы – 4%. Этническая принадлежность определяет и домашний язык. Люди данного типа по своим позициям в отношении привилегированности этнических групп в советское время довольно схожи с людьми 1-го типа, но они не столь категоричны, мягче. Лишь в одной области они категоричнее даже представителей 1-го типа. Они больше считают, что эстонцы имели преимущество перед неэстонцами при вступлении в компартию.

Представители данного типа находятся в несколько лучшем по сравнению со средним экономическом положении. В аспекте гражданства структура этого типа практически совпадает со структурой 1-го типа. В этом типе большинство составляют мужчины (60%). Ни в одном другом типе нет такой доли людей в возрасте 30 – 39 лет, как в данном. В то же время в этом типе меньше доля молодежи в возрасте 15 – 29 лет. Таким образом, речь идет о типе, к которому относятся люди среднего и старшего возраста.

Оценка интеграционной политики несколько более отрицательна, чем средняя. Оценки обществу Эстонии делятся практически поровну между двумя характеристиками: общество расколото или этнические группы сегрегированы. Оценка того, насколько в Эстонии дискриминируют людей по этническому признаку, схожа с 1-м типом, но несколько мягче.

Говоря о проблемах интеграции, относящиеся к 3-му типу люди ставят во главу угла политические и правовые аспекты. Эти аспекты столь рельефно не выделяются ни в одном другом типе.

Касаясь вопроса, имели ли русские в Эстонии преимущества перед эстонцами, они дают оценку, относительно схожую с 1-м типом, хотя и не так уверено (1-й тип – 87%, 3-й тип – 65%).

По оценкам представителей 3-го типа отношение к рассматривавшимся законам Эстонии преобладающе отрицательное. Причины доминирования эстонцев в публичном секторе видятся этими людьми лишь в двух аспектах: этническое происхождение (55%), связи и знакомства (27%). Ни в одном другом типе эти аспекты настолько не подчеркнуты. Правовой статус (гражданство) люди 3-го типа в качестве причины доминирования эстонцев в органах власти указывают лишь в 7% случаев, т.е. в несколько раз меньше, чем в других типах.

Ни в одном другом типе нет такого числа людей, прогнозирующих, что их контакты с эстонцами в будущем не изменятся.

Что касается желательной для русских стратегии поведения, то представители этого типа в значительной мере ориентированы на адаптационную модель: они считают важным главным образом лояльность русских к Эстонскому государству, уважение права эстонцев на управление государством (28%), совместное с эстонцами решение стоящих перед государством проблем (25%), уважение к эстонской культуре и языку, отправку детей в эстонские школы (23%).

Четвертый и пятый типы по своему составу мультиэтничные.

В четвертом типе 75% эстонцев и 25% неэстонцев. Мужчины в этом типе составляют 46% и женщины 54%. По сравнению со средними показателями к этому типу относится несколько больше пожилых людей.

Представители этого типа больше всего уверены в том, что неэстонцы имели очень значительные преимущества перед эстонцами в получении таких существенных в то время благ, например, поездка за рубеж, выборы в органы власти и возможность вступления в компартию. Во всех остальных аспектах представители этого типа находятся на уровне средних показателей. Это означает, что они не видят никаких сильных предпочтений на этнической почве.

В материальном смысле люди 4-го типа представляют собой середняков. Если не учитывать 2-й тип, то в 4-м меньше всего людей, не определившихся с гражданством. По сравнению с т.н. типом эстонцев (2-й тип) к 4-му относится гораздо больше людей с различным гражданским статусом. Из относящихся к этому типу людей, не имеющих сейчас гражданства Эстонии, меньше всего тех, кто и не собирается о нем ходатайствовать.

Более 2/3 относящихся к этому типу людей, характеризуя общество Эстонии, полагают, что этнические группы сегрегированы. Оценка интеграционной политики в Эстонии дается средняя.

По сравнению со 2-м типом представители 4-го типа несколько больше удовлетворены интеграционной политикой в Эстонии, и они несколько чаще считают, что в Эстонии проявляется дискриминация на этнической почве.

Аналогично 2-му типу высказывается мнение, что основные проблемы интеграции связаны с аспектами языка и культуры, но они значительно чаще подчеркивают политический и юридический аспекты проблемы. По сравнению со 2-м типом в 4-м в 2,5 раза меньше людей, которые считают, что в советское время русским отдавалось предпочтение перед эстонцами.

Отношение к рассматриваемым законам – умеренно положительное.

Среди относящихся к 4-му типу людей по сравнению с другими типами больше всего тех, кто стал по сравнению с периодом до восстановления независимости Эстонии больше общаться с людьми других этнических групп (24%). Они достаточно оптимистичны и в отношении усиления общения в будущем.

Пятый тип - самый многочисленный. В него входят 64% неэстонцев и 36% эстонцев, 46% мужчин и 54% женщин.

Из рассматриваемых типов к 5-му относятся самые молодые люди. Ни в одном другом типе не представлена столь широко молодежь в возрасте 15 – 29 лет. По сравнению с другими типами представители 5-го типа – самые зажиточные. Учитывая этнический состав типа, в нем отмечается относительное преобладание потомственных граждан Эстонской Республики.

Они дают почти самую высокую оценку интеграционной политике в Эстонии. Их характеристика общества Эстонии практически совпадает с характеристикой 4-го типа, но она ближе, так сказать, к эстонской точке зрения.

В части этнической дискриминации они несколько критичнее людей 4-го типа. Если 4-й тип упирает на то, что дискриминация на этнической почве либо имеет место, либо почти отсутствует, то представители 5-го типа подчеркивают, что указанное явление скорее имеет место и довольно часто.

Если люди 4-го типа видят проблемы интеграции прежде всего в языковом и культурном аспектах, то представители 5-го типа подчеркивают больше социально-экономическую проблематику. Но и это делается не слишком сильно.

Говоря о том, имели ли в советское время русские преимущества перед эстонцами, в 5-м типе больше по сравнению с другими типами тех, кто не может ответить на этот вопрос. Это объясняется в основном тем, что среди относящихся к этому типу людей много молодежи, не имеющей личного опыта периода до восстановления независимости Эстонии. Отношение к рассматриваемым законам Эстонской Республики скорее слегка отрицательное.

Доминирующую роль эстонцев в публичном секторе люди 5-го типа объясняют прежде всего этническим происхождением (36%), правовым статусом (24%) и знанием государственного языка (20%).

Люди, относящиеся к этому типу, не предлагают однозначного решения стоящих перед русскими проблем. Из числа других сценариев выделяется желание, чтобы эстонцы вместе с русскими решали стоящие перед государством задачи (34%). Учитывая этнический состав типа, довольно велико число людей, которые считают, что русские должны быть лояльны (19%) и уважать эстонский язык и культуру (14%).

Выводы

Один из весьма распространенных стереотипов, который использовался для характеристики этнических отношений в Советской Эстонии в сравнении с нынешней ситуацией, выражается в следующем заявлении: тогда люди свободно общались между собой, были соседями, ходили друг к другу в гости и не было «национальных проблем». Социологические исследования действительно показывают, что раньше общение между различными этническими группами было более тесным, чем сейчас. Но это еще не означает, что тогда не было у различных групп отличающихся представлений о статусном положении какой-либо этнической группы в Эстонии. Это очень сложная и многогранная проблема. Наша задача – выяснить, влияют ли и насколько влияют тогдашние различные представления на современные оценки.

Анализ данных четко выявил, что эстонцы и неэстонцы занимают достаточно противоположные позиции в вопросе - отдавалось ли в советское время русским предпочтение перед эстонцами? Очень важно отметить, что среди эстонцев возрастной признак не оказывает дифференцирующего влияния на установки. Это означает, что общая установка по отношению к статусу русских одинакова в различных возрастных группах и не находится под воздействием современных тенденций развития общества Эстонии. У неэстонцев же возрастной признак играет очень большую роль. Чем моложе человек, тем больше его позиция отличается от позиции людей более старшего возраста и тем больше он считает, что в советское время имело место некоторое предпочтение русских (либо же многие из них по молодости лет не могут ответить на этот вопрос). Таким образом, среди эстонцев установки, касающиеся этничности, сохраняются гораздо сильнее, чем у неэстонцев.

Однако анализируя представления о предпочтениях, имевшихся у эстонцев или неэстонцев в отдельных областях, можно сказать, что основная часть населения занимает т.н. мягкую позицию: признавая предпочтение какой-либо группы в той или иной сфере, большинство не следует некой общей установке о предпочтениях, оказывавшихся эстонцам или неэстонцам в целом. Прежде всего это касается молодых людей, но не исключает и остальных, хотя и в меньшей мере. Те, кто отмечают определенное предпочтение той или иной этнической группе, ограничиваются лишь констатацией наличия отдельных благ, например, получение квартиры, хорошего места работы, возможность карьерного роста, избрание в органы власти. Это основные области, в которых разные этнические группы видят себя находившимися в разном положении. Речь идет о распределяемых государством благах, и разные этнические группы по-разному истолковывают эти аспекты, исходя из принципа социальной справедливости. На самом деле это в значительной степени отражает проблемы тогдашнего бедного общества, которое выступало в роли распределителя благ. Анализ данных довольно четко показал, что представления о сформированном в советском обществе статусе этнических групп дифференцирует совершенно четко и нынешние представления об этнических отношениях, интеграционной политике и ее проблемах. Молодое поколение рассматривает этнические отношения в новом социальном контексте, и потому их установки по отношению к интеграционной политике в Эстонии многограннее и свободнее от опыта прошлого.

Множественность гражданства и самоопределение в эстонском обществе

Клара ХАЛЛИК

1. Введение

Гражданство (в общем смысле этого слова) означает принадлежность лица к определенному обществу и официальное признание этой принадлежности, а также в той или иной форме отождествление лица с конкретным обществом. В настоящее время под гражданством подразумевается сложная система отношений индивида с обществом, которая, помимо своей первоначальной политической принадлежности, охватывает еще и принадлежность к целой общественной системе, а также вытекающие из нее права и обязанности. Понятие гражданства охватывает многосторонние, строящиеся на взаимной зависимости и равновесии прав и обязанностей обеих сторон отношения между государством и индивидом. Эти отношения обуславливают самореализацию человека в общественной жизни.

Поскольку границы конкретного общества определяются с помощью государства, институтом гражданства является как раз то, что составляет принадлежность индивида к данному обществу или даже к его ядру. Государственной политикой в вопросах гражданства устанавливается, кто могут быть гражданами этого государства, а также то, являются ли права, которые дает этот статус, непреложно равными для всех или же могут отличаться для отдельных категорий, например, на основании этнической или религиозной принадлежности. И, наконец, гражданство несет с собой ряд обязанностей, которые должны гарантировать наличие минимальной связи индивида с государством.

Степень «гражданственности» человека зависит от того, насколько он подчиняется законам посредством своего участия в тех областях и делах, в которых он имеет права поступать свободно и «самовластно»¹. Если же у гражданина нет подобной свободной и автономной возможности выбора, то он уже является не свободным гражданином, а робким «подчиненным», когда публичный сектор уже не доступен для всех в равной степени: он может быть либо сегментирован по группам с различными степенями прав, либо монополизирован доминирующей группой.

Именно равный доступ к общественной сфере является проблемой, заслуживающей в последнее время большого внимания в теории демократии. И тому есть несколько причин. Это может быть обусловлено быстрыми общественными т.н. постмодернистскими переменами, на которые общество реагирует формированием партикулярных интересов и жизненных стратегий. В результате этого укрепляются частные идентичности, оспаривающие механизмы и критерии единой общности, которые до сих пор действовали в обще-

¹ J. Tully „The Challenge of Reimagining of Citizenship and Belonging in Multicultural Society“ // С. McKInnan and I. Hampsher-Monk (eds.) *Demands of Citizenship*, London, 2000. P. 215.

стве, и подобный плюрализм все больше воспринимается «большим обществом» как базирующийся на принципах равного обращения и прав человека. Этнический состав населения становится все более пестрым и это также является источником изменения парадигмы национального государства. Как приспособить публичную сферу национального государства, основывающуюся на одном языке и на одной культуре, к характеру мультикультурного общества? Этот вопрос, актуальный для многих стран Европы, во многом связан с концепцией и политикой гражданства.

Культурное содержание и идентичность гражданства национального государства продолжительное время основывались на культуре и языке основного («мейнстримного») состава общества, а также на т.н. историческом праве их носителей. В то же время, чтобы обеспечить равное обращение для новых меньшинств, большая часть социальных благ, гарантируемых государством, делается доступной и для неграждан. Подобный плюрализм в теории гражданства выражается такими категориями, как «социальное гражданство», «культурное гражданство» или правовая связь между государством и негражданином, формирующаяся на основе вида на жительство (*denizenship*). Вариант «культурного гражданства» подкрепляется признанием прав различных этнических групп сохранять и развивать свою культуру без обязательства ассимиляции с «мейнстримной» культурой. В случае с «полным гражданством» национального государства упомянутые выше аспекты означают т.н. «плотное» или «глубокое» гражданство, уравновешенную взаимозависимость государства и индивида, а также неукоснительно следующие из подданства права гражданина и его возможности свободного действия во всех областях общественной жизни.

В тех случаях, когда новые меньшинства по каким-то причинам не приобретают гражданства страны проживания (например, из-за нежелания овладеть языком страны проживания, ограничений натурализации или нежелания отказаться от гражданства родной страны), «полноценное» гражданство заменяется другими, подобными гражданству статусами. Компенсирует ли такая замена недостаток участия в публичной сфере или в общих и совместных делах общества, которое следует из юридического гражданства, - это отдельный вопрос. Кризисные процессы, распространившиеся по Европе в последние годы, а также отдельные агрессивные всплески национализма как со стороны большинства населения, так и меньшинств указывают на то, что «незадействованность» больших групп населения в общих делах социума углубляет разрозненность и противостояние, которые не могут сгладить даже государственные социальные благотворительные пакеты.

Центром гражданской идентичности являются общие интересы, которые объединяют всех членов данного общества, независимо от их различий. отождествление себя с подобным единым «членством» происходит чаще всего в ходе совместной деятельности в публичной сфере, где ведется диалог о том, кто и как будет осуществлять политическую власть и что следует понимать под общими интересами.²

Эстония является обществом с множественностью гражданств, где наряду с гражданами государства часть постоянных жителей является либо иностранцами, большинство из которых граждане России, либо лицами, не имеющими никакого гражданства. Положение, при котором в государстве имеется постоянная многочисленная группа российских граждан, а также лиц без гражданства, приводит к эрозии института гражданина. Одни граждане являются полноправными, права остальных ограничиваются возможностью выбирать

² J. Tully „The Challenge of Reimagining of Citizenship...“ P. 214.

«совершенных граждан» в местные самоуправления, у третьих, в дополнение к предыдущему, есть право участвовать в политике соседнего государства. Таким образом, мы имеем дело с двойным сегментированным гражданством данной группы (прежде всего это касается граждан России). Некоторые исследования, проведенные в области интеграции и этнических отношений, показывают чувствительность различных гражданств также и к социальному статусу человека. Группа, анализируемая в данном исследовании в контексте различных гражданств, в общих чертах демонстрирует эти особенности статусов.

Таблица 1. Выборка социально-демографических характеристик в контексте гражданства (%)

Демографические и социальные признаки		Граждане ЭР по рождению N=378 54%	Натурализованные лица N=123 18%	Граждане России и других государств N = 99 14%	Лица без гражданства N = 100 15%
Этническая группа	эстонцы	85%	2% эстонцев	69% русских	76% русских
	неэстонцы	15%	81% русских	18% украинцев	14% украинцев
Домашний язык	эстонский	85	3		
	русский	14	95	99	91
Образование	первая ступень	13	4	0,5	9
	вторая ступень	57	50	69	80
	третья ступень	30	46	28	12
Возраст	15-29	37	33	11	19
	30-49	28	45	34	45
	50-74	35	22	55	36
Основная деятельность	-руководители, специалисты	26	32	17	11
	-предприниматели	6	4	5	5
	-работники сферы обслуживания, рабочие	21	20	39	53
	-учащиеся	17	11	5	11
	-неактивные	20	9	31	18
Оценка материального положения	-обеспеченные	48	64	49	40
	-справляются	43	30	46	52
	-бедные	7	3	5	5
Удовлетворенность интеграционной политикой	-довольны	31	34	20	15
	-нейтральное отношение	30	39	37	37
	-не довольны	28	21	42	43
	-трудно сказать	11	6	1	5

В данной статье обзор оценок и мнений жителей Таллина о работе публичных институтов дается только в контексте гражданства. С точки зрения идентичности индивида, гражданство является самым универсальным и в то же время самым абстрактным спосо-

бом коллективной идентификации, который не только не исключает, но, скорее, даже предполагает наличие плюралистической идентичности. Поэтому можно сказать, что особенности социального и демографического характера различных гражданств оказывают определенное влияние на оценки и отношения участников исследования. Очевидно, что дифференцированная этническая «наполняемость» различных гражданств облегчает понимание того, в какой степени оба этих фактора - этничность и гражданство - могли бы оказывать влияние на правовое пространство и межэтнические отношения в Эстонии.

Новые граждане Эстонии, то есть те, которые получили гражданство по натурализации, представляют собой часть жителей Таллина с приличным достатком, успешных как в социальном, так и экономическом плане. Большинство из них находятся в возрасте трудовой активности, высокообразованны, чему вполне соответствует их социальный статус и удовлетворенность своим материальным положением, а также интеграционной политикой.

Граждане России явно отличаются от других групп своей возрастной структурой. Преобладают пожилые и те, кто уже вне рынка труда, при этом данную группу в трудовой сфере представляют в основном рабочие. Еще в более невыгодном социальном положении, чем упомянутая группа, находятся лица без гражданства, половину из которых составляют рабочие и работники сферы обслуживания. В этой группе самый маленький процент людей с третьей ступенью образования, а также руководителей и специалистов.

2. Является ли статус лица без гражданства постоянным?

Ускоренная натурализация лиц без гражданства является одним из приоритетов проводящейся в настоящее время государственной программы интеграции. В действительности, только в последнее время правительством были предприняты конкретные шаги по финансированию обучения лиц без гражданства государственному языку и законам, а также по его организационной поддержке. Принятие подобных мер требовалось и рекомендовалось уже на протяжении десятка лет как со стороны русских политиков и общественности, так и со стороны некоторых европейских институтов. Теперь же, когда большая часть неграждан уже как-то примирились со своим положением или утратили возможность улучшить свой статус в обществе и на рынке труда, льготные условия получения гражданства уже не действуют столь эффективно. Есть основания полагать, что определенная часть жителей, не имеющих гражданства (в особенности те, кто родились и жили здесь всю свою жизнь), считают до сих пор действующие требования к экзамену по натурализации несправедливыми и в знак протеста не проходят всю эту процедуру.

Закон о гражданстве находится в начале списка тех законов, которые русскоязычное население оценивает как самые несправедливые. По данным «Мониторинга интеграции 2005», 60% эстонцев считают закон «нормальным» и отвечающим международным стандартам, в то же время 70% неэстонцев считает этот закон слишком жестким и ущемляющим права человека.³ Можно предположить, что недавнее решение ЕС о расширении свободы передвижения и прав на работу для долгосрочных постоянных жителей вне зависимости от их гражданства уменьшит мотивацию к ходатайству об эстонском гражданстве.

³ K.Hallik, «Kodakondsus ja poliitiline kaasatus» // *Uuringu Integratsiooni Monitooring 2005 Aruanne*, Tallinn.

Тем не менее проведенные до сих пор опросы показывают, что отсутствие гражданства не считается чем-то желаемым и неизменным. Нормализации своих правовых отношений путем обретения гражданства хотело бы в действительности большинство лиц без гражданства, а также и некоторая часть граждан России. Главными препятствиями на пути к этой нормализации является незнание эстонского языка, материальные затруднения при оплате соответствующих курсов и то обстоятельство, что, выполнив экзаменационные требования, люди в дальнейшем продолжают обходиться без знания эстонского языка. Данные этого исследования приводятся в таблице ниже.

Таблица 2. Намерения ходатайствовать о гражданстве

Об гражданстве Эстонии	Лица без гражданства N = 100	Граждане России и других государств N = 99
ходатайствуют	11	4
намереваются ходатайствовать	35	14
не собираются ходатайствовать	39	78
(ходатайствуют/собираются ходатайствовать о российском гражданстве)	13	...

Множественность гражданства и следующая из него правовая и политическая неопределенность - это проблема, которая затрагивает все русское население, а также весьма остро ощущается среди неэстонцев, имеющих гражданство Эстонии. В подтверждение этого ниже приводятся данные по оценке важности проблем интеграции жителями Таллина с различными гражданствами.

Таблица 3. Важность аспектов интеграции⁴

Аспекты	Гражданство респондента				Этническая группа	
	Граждане ЭР по рождению	Граждане Эстонии по натурализации	Граждане иностранных государств	Лица без гражданства	Эстонцы	Не-эстонцы
Язык/культура	47	29	17	27	50	26
Политико-правовые	21	27	48	36	18	36
Социально-экономические	26	41	29	32	26	34
Затрудняюсь ответить	6	3	5	5	6	4

⁴ Полностью вопрос звучал так: «В чем, на ваш взгляд, заключаются наиболее важные проблемы интеграции?»

Видение основных проблем интеграции среди таллинцев схоже с видением жителей всей Эстонии, и изменений, по сравнению с предыдущим опросом таллинцев в 2001 году, не произошло. По мнению эстонцев, главными аспектами интеграции являются языковые и культурные отношения, что на самом деле подразумевает изучение эстонского языка. Для русских первостепенны политико-правовые, а также социально-экономические проблемы интеграции, и только после этого следует культурное и языковое сближение. Несмотря на то, что обе этнические группы видят интеграцию как комплексный и многогранный процесс, вдвое больше эстонцев, чем русских, отдают предпочтение культурно-языковой интеграции. И наоборот: политико-правовую интеграцию эстонцы отмечают в два раза меньше, чем русские. Приведенные результаты косвенно свидетельствуют о том, что видение интегрированного общества для эстонцев сосредоточено на языковой общности. Русские, однако, желали бы быть принятыми в качестве граждан без обязанности языковой адаптации.

3. О самоопределении в правовом и политическом пространстве

Поскольку эстонцы и представители этнических меньшинств по-разному видят критерии интеграции, важно знать, как ощущается (осознается) каждой из сторон т.н. «большое общество» или публичная сфера, где происходит деятельность и взаимное общение сторон. В принципе, различные этнические группы сближаются в той среде, где для всех действуют одни и те же правила и требования, а также права и обязанности. В обществе, где действует режим демократии и интеграции, упомянутые сферы должны быть этнически достаточно нейтральными. Это означает как отсутствие этнического разделения, так и ощущение индивидами того, что общество одинаково открыто для всех. В данном обзоре проверяется «нейтральность» публичного правового пространства на основе сделанных респондентами оценок тех законов, которые имеют большее влияние на положение меньшинств. По оценкам того, какое отношение наблюдается в официальных учреждениях и насколько доступно участие в политике, проверяется «открытость» публичного правового пространства.

Таблица 4. Оценка законов*, регулирующих политику в отношении меньшинств (%)⁵

Закон	Гражданство респондентов				Этническая группа	
	Граждане ЭР по рождению	Граждане Эстонии по натурализации	Граждане России/ другого государства	Лица без гражданства	эстонцы	неэстонцы
Закон о выборах в Рийгигогу (парламент)	34	2	-26	-26	27	-11
Закон о выборах собрания местного самоуправления	39	36	21	25	26	31
Закон о языке	53	-46	-67	-56	66	-52
Закон о гражданстве	47	-46	-55	-56	58	-47
Закон об иностранцах	37	-25	47	-53	44	-33
Закон об основной школе и гимназии	31	-47	-48	-44	38	-41

* Данные в таблице приведены в виде доминантной шкалы, даны суммы позитивных и негативных оценок

Разумеется, приведенные данные не показывают знания конкретного закона, а лишь отображают общие установки. Эстонцы (граждане по рождению) и другие этнические группы вне зависимости от гражданства по-разному определяют себя в правовом пространстве государства. Наиболее провоцирующими конфликт законами являются Закон о языке и Закон о гражданстве (в особенности первый), которые дают эстонцам гарантии и преимущества, в то время как носителям других языков они лишь определяют обязанности и создают напряженность. Практически все законы, в которых чувствуется опасность неравного обращения, оцениваются негативно. На отношение респондентов, вне всякого сомнения, оказывают влияние и особенности конкретной ситуации. С уверенностью можно сказать, что негативное отношение к Закону об основной школе и гимназии во многом обусловлено не самой сущностью закона, а планируемым в 2007 году переходом русских гимназий на двуязычную систему обучения. Этот факт можно сравнить с ситуацией в 2001 году, когда правительство колебалось в отношении сроков и масштаба применения закона, что давало русским надежду на то, что государство пойдет на уступки и закон не будет применен в полной мере. По сравнению с данными предыдущего исследования, пе-

⁵ Полностью вопрос звучал так: «Как вы относитесь к следующим законам, принятым в Эстонии, положительно или отрицательно?»

ревес отрицательных оценок этого закона над позитивными оценками увеличился на 62% в группе натурализованных граждан и на 33% среди респондентов без гражданства.

По сравнению с исследованием, проведенным в 2001 году, позиция русскоязычного респондента осталась неизменной, правовое пространство ощущается все таким же конфликтным и несправедливым. Несмотря на видимые позитивные изменения в языковой ситуации в столице, а также на повышение уровня владения эстонским языком, рост негативного отношения к Закону о языке не может остаться незамеченным. Можно предположить, что позитивную оценку Закона о языке обуславливает и общая осведомленность эстонцев о требованиях, которые предъявляются к знанию русскими эстонского языка. При этом не осознается, какие трудности это может причинить людям, не владеющим языком. Лица без гражданства ощущают себя вдали от правового пространства, и отношение к законам среди них в основном негативное. Однако вызывает вопросы возросший, по сравнению с 2001 годом, процент негативного отношения к законам также среди натурализованных граждан (на 34% - к Закону о языке и на 31% - к Закону о гражданстве). Такой результат косвенно может означать то, что новые граждане не чувствуют равного с эстонцами обращения, хотя формально, по закону, они имеют точно такие же права. Участие в местных выборах – это, пожалуй, единственная область, где неэстонцы и неграждане играют роль не аутсайдеров, а участников диалога, чем и объясняется преобладание позитивной оценки соответствующего закона.

Для обычного гражданина конкретные положения закона не являются правилом поведения на каждый день, а лишь создают общую правовую среду, которая либо дает уверенность в возможности активной общественной деятельности, либо не дает. Сюда же относится и то, насколько необходимо знание закона. В правовом государстве закон выполняет как функцию упорядочивания общественной жизни, так и функцию помощи и гарантии прав своим гражданам, на что гражданин отвечает лояльностью. Вышеприведенные, в основном негативные, оценки законов, регулирующих права и обязанности меньшинств, свидетельствуют о том, что правовое пространство в Эстонии воспринимается как конфликтное и оказывающее давление. Лица без гражданства и долгосрочные жители-иностранцы в первую очередь ощущают себя в такой среде маргиналами, для которых смысл законов только в ограничении их прав.

При выборе стратегий, обеспечивающих демократичную, с одной культурной доминантой, общественную связность национального государства, необходимы усилия, в результате которых можно было бы избежать совпадения границ принадлежности групп к различным культурам (в том числе и языковой принадлежности) с границами разделения социальных и политических страт. Для этого необходимо следовать двум принципам: во-первых, создать необходимую ментальную среду для развития и принятия культурного плюрализма; во-вторых, – на индивидуальном уровне, в «горизонтальных» связях общества, а также во всех публичных структурах должно быть гарантировано участие всех (городских) граждан, без акцента на их культурный или языковой состав.

Похоже, что в наших законах не все в порядке с использованием языка и делопроизводством. Более чем 1/5 опрошенных сетуют на то, что при решении своих дел в официальных учреждениях они испытывают большие трудности, вызванные сложностью законодательства, и только 1/4 из опрошенных способна легко преодолеть эти трудности. От организации делопроизводства и больших потерь времени постоянно страдает 1/4 опрошенных, и только 1/5 справляется с этим. На фоне этой общей проблемы процент жалоб

на некомпетентность и халатность чиновников достаточно скромна, хотя около половины лиц, пользующихся публичными услугами, время от времени все же сталкиваются с такими проблемами. Подобные трудности испытывают все пользователи публичных услуг, вне зависимости от этничности. Без сомнения, языковые препятствия являются в первую очередь проблемой неэстонцев. Из-за этого одна пятая часть неэстонцев постоянно испытывает трудности при решении своих вопросов в официальных учреждениях. Кроме того, почти половина лиц этой группы время от времени сталкивается с такими проблемами. На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что к клиентам с различными гражданствами в официальных учреждениях столицы чиновники относятся одинаково.

Публичная политическая жизнь мультикультурного общества должна в той или иной мере отражать свою плюралистическую сущность даже в том случае, когда устройство государства не отвечает принципам территориальной и культурной автономии меньшинств. Упомянутые принципы предписывают наличие пропорционального или основывающегося на квотировании представительства недоминантных групп. Организация власти в Эстонии является либеральной, однако не дает меньшинствам права на коллективное политическое представительство. Явный недостаток представительства этнических меньшинств в официальных учреждениях, где решаются вопросы, касающиеся всего общества, указывает на недолжное функционирование механизмов, обеспечивающих демократическое участие. Несмотря на то, что государственная служба прежде всего предполагает наличие профессиональных знаний и умений, значение социального происхождения публичных служащих нельзя недооценивать - основной контингент, нуждающийся в публичных услугах и пользующийся ими, составляют, как правило, представители групп риска или вовсе малоимущие слои населения. Если в бюрократическом аппарате такие «клиенты» не представлены, то отношения между властью и обществом вероятно весьма иерархичны и односторонни. В среде чиновников также важно этническое «представительство», особенно в тех случаях, когда конкурентоспособность и общественный статус этнических или языковых групп по каким-либо причинам являются неравными.

Согласно данным более ранних исследований межэтнических отношений, представления граждан-эстонцев и граждан другого этнического происхождения об участии в политической жизни продолжительное время различались. Также различались и обоснования непропорционально больших преимуществ эстонцев в этой области.

В данном исследовании опрошенные оценивали некоторые возможности самореализации для эстонцев и представителей других групп. Например, возможность сделать политическую карьеру, достигнуть успеха в бизнесе, получить хорошее образование, достичь материального благополучия, получать социальные гарантии и участвовать в церковной и религиозной жизни. Ответы на вопрос - кому при прочих равных условиях, включая владение государственным языком, а также гражданством Эстонии, легче и проще, легче сделать политическую карьеру? - были даны по семибальной шкале: ответ «эстонцам легче» давал 1 балл, «неэстонцам легче» - 7 баллов, а показатель 4 балла указывал на равные возможности. Вычисленное на основании полученных данных среднее значение по всей выборке составило 2,25. Оценка эстонцев составила 2,93 балла, оценка остальных этнических групп - 1,62, натурализованных граждан - 1,72 и лиц без гражданства - 1,54. 42% эстонцев уверены, что все «национальности» имеют равные возможности участия в политике, подобное мнение поддерживают только 11% неэстонцев; 36% эстонцев полагают, что эстонцам легче сделать политическую карьеру, так же думают 85% респонден-

тов другого этнического происхождения. В данном случае мы имеем дело с общей оценкой для этнической группы, на которую наличие эстонского гражданства респондентов влияет мало. Такая существенная разница в доступности политической власти является частью этнически и политически монополярного образа правления в Эстонии. Этот образ вырисовывается более четко, если рассмотреть упомянутые респондентами причины отдаваемого эстонцам предпочтения.

Таблица 5. В чем заключаются преимущества эстонцев перед неэстонцами? (%)⁶

	Эстонцы		Неэстонцы		Натурализованные граждане ЭР	
	2005	2001	2005	2001	2005	2001
Правовой статус (гражданство)	32	39	19	17	15	14
Владение государственным языком	31	20	14	12	19	9
Национальность/ этническое происхождение	9	15	48	44	49	46
Связи и знакомства	9	12	11	19	9	21
Активность и предприимчивость	10	9	5	4	6	6
Владение иностранными языками	5	3	1
Затрудняюсь ответить	4	2	2	3	2	3

Данный опрос, как и предыдущий, показывает, что для эстонцев их преимущества в политической власти вполне естественны и исходят в основном из двух предпосылок: наличия гражданства и знания государственного языка. То есть преимущество эстонцев имеет вполне объективные причины. Следовательно, именно в этом видятся главные причины отстраненности неэстонцев от политики. Выяснить, так ли это в действительности, помогает мнение натурализованных граждан из числа неэстонцев. Согласно их оценке, два упомянутых условия составляют лишь одну треть от причин монополярной власти эстонцев. Целая половина этой группы, впрочем, как и все неэстонцы, связывают главную причину преимущества в политике с этнической принадлежностью. Оценка эстонцев своих преимуществ изменилась на политически более «корректную»: «национальность» в качестве политического капитала оценивается скромным десятком процентов. Это мнение во многом может отражать реальный жизненный опыт людей, то есть ту действительность, что граждане среди неэстонцев на самом деле не конкурируют с эстонцами за политические позиции. Это обусловлено как этнической разрозненностью в обыденной жизни, так и низкой вовлеченностью в партийную жизнь. Конечно, нельзя игнорировать и отрицательное отношение эстонцев к активному привлечению неэстонцев на работу в органы госу-

⁶ Полностью вопрос формулировался так: «Как известно, большинство постов в парламенте, правительстве, в органах местного самоуправления занимают эстонцы. Как вы считаете, в чем могут заключаться преимущества эстонцев по сравнению с неэстонцами?»

дарственной власти. Такая позиция, несмотря на позитивные изменения, остается все же преобладающей.⁷ В Таллине имеется некоторое представительство неэстонцев в горуправе и горсобрании. Достаточное ли там их представительство? - это отдельный вопрос.

Согласно результатам данного исследования 63% неэстонцев (против 43% эстонцев) доверяют городским властям. Поэтому можно предположить, что приведенные оценки скорее выражают общие этно-политические установки и отражают коллективное самочувствие, когда к реальным фактам относятся лишь как к «подтверждающим правило исключениям». То есть вне зависимости от причин отстраненность меньшинств от представительной и исполнительной властей несет с собой нарушение коммуникаций между клиентами и институциями. Причем это касается не только языковых вопросов, но и общих вопросов культуры и ценностных установок. Если учреждения не прилагают усилий к преодолению культурных или языковых барьеров между собой и клиентами, это еще более укореняет и без того имеющиеся в обществе предубеждения и негативные стереотипы, а также способствует социально-этнической стратификации. Если предотвратить возможности участия меньшинств в принятии политических решений и их выполнении, отверженная группа будет относиться к решениям как к чему-то чуждому, и выполнение этих решений либо придется обеспечивать с помощью административного давления, либо они по возможности вовсе будут игнорироваться.

4. Общественное благополучие и доверие к институтам

Эстонское общественное мнение болезненно относится к увеличивающемуся неравенству в обществе и неравным возможностям пользования общественными благами. Понятие «две Эстонии», употребляемое учеными-социологами в качестве критической оценки модели общества, превратился в часто повторяющийся термин, которому каждая группа придает актуальный для себя смысл. Настоящий опрос показывает также, что наше общество не считается связным и основывающимся на общих ценностях. Общество видят скорее расколотым (1/4 опрошенных) или с изолированными друг от друга этническими группами (61%). Всего лишь 9% опрошенных считают, что различные этнические группы имеют равные права. Принадлежность к тому или иному гражданству не влияет на эту общую позицию, но в малой степени наблюдается влияние этнической принадлежности. Мнение эстонцев несколько больше, чем мнение неэстонцев указывает на равенство этнических групп, но общая картина остается той же - это общепризнанная реальность. Респонденты выражают надежду на уменьшение раскола общества и увеличение равенства этнических групп. В то же время половина респондентов разделяют мнение о том, что Эстония и впредь останется разобщенной по этническому признаку.

Общественное благополучие можно определить на основании разных критериев. Такими критериями могут быть, например, т.н. индекс развития человека, уровень благополучия, степень свободы и другие. Одной из возможностей является также сравнение проблем различных этнических групп в этнически разделенном обществе, которые решаются посредством институтов «большого общества». Если направление деятельности, а также «траектории» процесса принятия трудных и простых решений одинаковы, есть основание считать положение этнических групп в публичной сфере равным. Если же они различаются по своему характеру или степени сложности, это скорее указывает на различ-

⁷ K.Hallik, „Kodakondsus ja poliitiline kaasatus...“

ную степень доступности общих благ. Использованная в данном исследовании шкала содер­жит следующие возможные варианты ответов: «эта проблема разрешена», «не сталки­вался с этой проблемой», «иногда приходилось сталкиваться с этой проблемой» и «это яв­ляется для меня постоянной проблемой». В нижеследующей таблице приведены ответы только по двум последним вариантам, распределенные по гражданству респондентов.

Таблица 6. Встречающиеся проблемы и затруднения (%)⁸

В связи с...	Иногда приходилось сталкиваться с этой проблемой				Это постоянная проблема			
	Граждане ЭР по рождению	Натурализованные граждане Эстонии	Граждане иностранных государств	Лица без гражданства	Граждане ЭР по рождению	Натурализованные граждане Эстонии	Граждане иностранных государств	Лица без гражданства
правовым статусом и документами	3	19	38	37	0,0	1	26	39
устройством на работу	16	42	40	45	2	11	15	19
образованием (своим или детей)	9	46	27	35	3	6	8	7
общением с родственниками, живущими за границей	9	26	33	49	2	18	19	10
поездкой за границу	5	15	25	35	0,0	1	6	6
приватизацией (земли, квартиры)	5	8	17	12	2	...	1	...
получением социальной помощи	7	11	21	18	0,0	1	1	3
участием в общественно-политической жизни	2	5	2	6	2	...	2	1

В указанных сферах жители получают большую часть общественных услуг или возможность свободно действовать в своих интересах. Допуск к возможностям в этих сферах жизни прямо или косвенно связан с наличием гражданства. Трудности, связанные с правовым статусом, касаются прежде всего тех, кто не имеет эстонского гражданства: как граждан иностранных государств, так и лиц без гражданства, причем последние составляют целых три четверти. И это несмотря на то обстоятельство, что у большинства лиц без гражданства имеется статус постоянного жителя, который, в свою очередь, должен обеспечивать равное обращение в большинстве сфер жизни наравне с другими жителями, а также возможность путешествовать в соседние государства. Странным образом реальная жизнь оказывается отличной от нормативов, и те, для кого отсутствует государственная защита в виде гражданства, вынуждены продолжительное время мириться с половинчатостью своих прав.

⁸ Вопрос формулировался так: «Сталкивались ли Вы лично со следующими насущными проблемами?»

По данным настоящего исследования, трудности при устройстве на работу и применении своих профессиональных знаний являются большей частью проблемой продолжительного этнического неравенства, на которую наличие или отсутствие гражданства в среднем имеет малое влияние. Ситуацию с возможностью получения требуемого или желаемого образования все эстонцы оценивают как проблематичную. В целом приведенные данные опровергают широко распространенное мнение о том, что отсутствие гражданства ограничивает только возможности участия в политической жизни. Скорее, мы имеем дело с положением, когда в результате безгражданства, или отсутствия именно гражданства Эстонии, накапливается довольно широкий спектр проблем, начиная с недостаточного знания языка и неуверенности на рынке труда, и кончая затруднениями в вопросах зарубежных связей.

Удовлетворенность общественной средой и чувство уверенности большей частью зависят от того, заслуживают ли доверия институты, несущие ответственность за общие интересы социума и благополучие членов общества. Доверие является важнейшим источником моральной легитимности. В настоящем исследовании, как и в исследовании 2001 года, респондентов просили оценить, насколько они доверяют различным государственным и общественным институтам (всего предложено было оценить 12 институтов по четырехбалльной шкале: «совсем не доверяю», «скорее не доверяю», «скорее доверяю» и «полностью доверяю»). Приведенная в следующей таблице раскладка представлена в виде доминантной шкалы, где из процента тех, кто высказался за доверие, вычтен процент не доверяющих.

Таблица 7. Доверие к государственным общественным институтам (%)

Институт	Гражданство респондента				Этническая группа	
	Граждане ЭР по рождению	Натурализованные граждане не ЭР	Граждане России/ других государств	Лица без гражданства	Эстонцы	Не-эстонцы
Президент ЭР	70	48	21	31	78	36
Парламент	-2	14	34	-11	-5	-3
Правительство ЭР	8	28	10	-3	7	13
Суд	47	39	8	4	49	20
Прокуратура	42	34	14	12	46	20
Полиция	49	44	32	23	55	32
Таллинские городские власти	4	46	46	32	1	40
Профсоюзы	27	28	8	4	30	10
Церковь	48	72	57	53	44	61
Эстонские телеканалы	68	57	8	29	60	34
Эстоноязычная печать	33	36	0*	14	37	17
Русскоязычная печать Эстонии	-9	43	28	32	-14	33

* 25% иностранных граждан доверяют эстонской печати и 25% не доверяют.

Показатели доверия институтам не являются постоянными, а могут довольно ощутимо колебаться в зависимости от конкретных обстоятельств в общественной и политической жизни. Поскольку во время опроса не происходило никаких важных политических событий или кризиса, полученные данные можно считать показателем относительно прочных позиций. Небезынтересным и проблематичным является тот факт, что большее доверие среди респондентов заслуживают институты символической власти: президент (среди респондентов-эстонцев) и церковь (среди русских). В то же время рейтинг демократически выбранного парламента по сравнению с другими структурами государственной власти является самым низким.

На степень доверия оказывает влияние как наличие гражданства, так и этническая принадлежность респондентов:

- эстонцы/граждане по рождению в большей степени доверяют президенту, телевизионным каналам и полиции;
- наибольшее доверие русских заслуживает церковь, затем следуют таллинские городские власти;
- доверие новых граждан Эстонии к органам государственной власти в основном схоже с предпочтениями граждан по рождению, причем по сравнению с последними они больше доверяют правительству и особенно властям города Таллина;
- рейтинг полиции, прокуратуры и суда в целом высок среди обеих этнических групп и лиц с различными гражданствами. Это указывает на то, что в данных институтах не усматривается неравного обращения на основании языка или этнического происхождения. В формировании такой оценки сыграло роль то обстоятельство, что в данных институтах услуги оказываются помимо эстонского также и на русском языке, а среди полицейских, непосредственно общающихся с городским населением, много неэстонцев.
- доверие прессе – эта та сфера, где определяющее значение имеют языковые барьеры и массовые предпочтения. Данный опрос, как и многие другие исследования по прессе, показывает, что в формировании медиа-пространства первое место принадлежит телевидению (это так с учетом обстоятельства, что практически все русскоязычные жители города постоянно смотрят российское телевидение). Что касается эстоно- и русскоязычной печати, то взаимные негативные оценки означают скорее то, что эстонцы не читают местных русскоязычных газет и журналов, а русские – эстоноязычных («Мониторинг интеграции 2005»⁹). Негативные позиции обеих сторон во многом поддерживает тот факт, что как эстоно- так и русскоязычная пресса публикуют комментарии с критикой публикаций на другом языке, а также перепечатаывают из других СМИ материал определенной направленности.

В целом на основании данного исследования можно сделать вывод, что два важнейших компонента публичной сферы – доступность публичных услуг и доверие оказывающим их институтам значительно дифференцированы в аспектах этнической принадлежности и гражданства. Эстонцы и граждане по рождению в своем большинстве не сталкивались с проблемами, затронутыми в данном опросе, либо могли эти проблемы разрешить. Очевидно, что не имеющим гражданства Эстонии – гражданам иностранных государств и лицам без гражданства – приходится преодолевать больше бюрократических препятствий при пользовании теми же самыми услугами. Разделение ландшафта СМИ Эстонии по языку и источникам информации является одним из факторов, воспроизводящим различное информирование эстоно- и русскоязычного населения и не способствующим взаимному пониманию проблем друг друга.

⁹ K.Hallik, „Kodakondsus ja poliitiline kaasatus...“

5. Отождествление с Эстонией. Гражданство и этничность

Самоопределение в данном исследовании ограничивается понятиями гражданства Эстонии, этническим происхождением (эстонец, русский; вариант ответа «кем-либо другим» дает возможность отметить иную этническую принадлежность, чем перечисленные), а также местом жительства (житель Эстонии, житель Таллина, европеец). Опрошенных просили определить, кем они в первую очередь себя считают. Нас в первую очередь интересовало, указывает ли респондентами при спонтанном ответе гражданство, и если да, то в какой степени.

Также была возможность обозначить себя в первую очередь гражданином России или другого государства (вариант «кем-либо другим»), но этот вариант практически не использовался. Три самых основных варианта самоидентификации покрыли около 90% всех ответов по всем видам гражданства.

Таблица 8. Три самых важных коллективных идентичности (%)

Степень приоритетности	Гражданство респондента				Этническая группа	
	Граждане ЭР по рождению	Натурализованные граждане ЭР	Граждане России/ других государств	Лица без гражданства	Эстонцы	Неэстонцы
I	Гражданин Эстонии (42)	Гражданин Эстонии (34)	Этничность (34)	Этничность (36)	Этничность (45)	Этничность (31)
II	Этничность (38)	Этничность (24)	Житель Эстонии (30)	Житель Таллина (32)	Гражданин Эстонии (43)	Житель Эстонии (24)
III	Житель Эстонии (7)	Житель Эстонии (7)	Житель Таллина (30)	Житель Эстонии (26)	Европеец (6)	Житель Таллина (23)

В отличие от идентичности эстонцев, для которых этничность и подданство равнозначны по своей важности и охватывают 90% из всех предложенных в исследовании вариантов ответов, неэстонцы отождествляют себя с тремя относительно уравновешенными по размерам коллективными идентичностями, при этом в первую очередь с территориальной идентичностью (Эстония/Таллин), которую обозначила для себя половина таких респондентов. Наличие эстонского гражданства для натурализованных граждан как фактор этнической самоидентификации отодвинулся на второе место. И наоборот: те, у кого отсутствует местное гражданство, отождествляют себя в первую очередь со своей «национальностью», за которой следует чувство территориальной принадлежности. Эти результаты дают основание для постановки следующей гипотезы: нормализованные правовые отношения со страной проживания и наличие гражданства этой страны уменьшает необходимость этнической мобилизации меньшинств. Вместо этого первоочередным становится чувство принадлежности к «большому обществу», то есть идентичность гражданина. Действительно, как уже было сказано, личные и социальные ресурсы лиц, получивших гражданство по натурализации, являются выше средних (возраст, образование, социальное положение, благосостояние), что естественным путем сокращает одностороннее фокусирование идентичности, а гражданство в данном случае может играть роль дополнительного фактора.

Настоящее исследование подтверждает также, что этническая и гражданская идентичности не отделены друг от друга. Понятия гражданства и гражданина вне культурной

принадлежности являются просто абстракцией. Однако вопрос состоит в том, принадлежит ли феномен культуры меньшинств публичной или частной сферам, и в том, насколько границы культур проницаемы, и какова часть их общих ценностей. Наш опрос показывает, что:

- абсолютное большинство (более 80%) неэстонцев с различным гражданством (и более 90% эстонцев) считают, что русские, живущие в Эстонии, отличаются от своих «соплеменников» в России. Иными словами, и те, и другие признают локальную идентичность русского меньшинства и их принадлежности к Эстонии, а не к России;
- все элементы культурной структуры этнической идентичности: язык, культуру, историю и религию оценивают в равной степени как важный элемент, вне зависимости от этнического происхождения и гражданства;
- 85% эстонцев, русскоязычных граждан и респондентов, не имеющих гражданства, не считают необходимым поддержание русскоязычной культуры со стороны России (20% граждан России это поддерживают); 1/3 натурализованных граждан, 40% лиц без гражданства и иностранцев, и только 14% граждан по рождению считают, что это задача Эстонского государства; 60% граждан по рождению считают, что развитие русской культуры и языка является задачей или личным делом самих русских, в отношении которых государство не имеет никаких обязательств. Около половины натурализованных граждан поддерживают это мнение, что указывает на большую способность данной группы сделать вклад в развитие местной русской культуры и в сохранение этнокультурной идентичности;
- приведенные данные показывают, что функционирование мультикультурного общества Эстонии русские и эстонцы видят по-разному в тех аспектах, которые касаются поддержки государством русского языка и культуры: если русские согласны поровну с государством разделить усилия по развитию русской культуры, то эстонцы предпочли бы дистанцирование государства от такой поддержки, то есть мультикультурность на государственном уровне не одобряется;
- для формирования связности мультикультурного общества не достаточно одной только публичной сферы: не менее важными являются также контакты между различными культурами и взаимное уважение. Наше исследование показывает, что взаимные культурные интересы двух групп несимметричны. Менее чем 1/5 эстонцев считает русскую культуру близкой и лишь 1/3 испытывает к ней интерес. Характер отношения русских респондентов варьируется в зависимости от гражданства: 60% эстонских граждан считают эстонскую культуру близкой и 75% интересуется ей, ответы граждан России составляют 30% и 45% соответственно, а ответы лиц без гражданства – 40% и 50% соответственно.

Укоренение эстонских русских и других этнических групп в качестве полноправных граждан и членов общества в государстве, восстановившем свою независимость, требует времени, а также личных усилий и адекватной политики, ориентированной на интеграцию, открытость и терпимость этнического большинства. Проанализированные в данном обзоре результаты социологического опроса по этническим отношениям в Таллине убеждают в том, что локальная, ориентированная на Эстонию идентичность новых меньшинств формируется благодаря многообразию связей и принадлежностей. Такими связями являются эстонское гражданство, идентичность, основывающаяся на месте проживания и территории, а также локализация этнокультурной самоидентификации.

Межэтнические отношения и неравное обращение

Вадим ПОЛЕЩУК, Алексей СЕМЕНОВ

В рамках проводившегося в Таллине в сентябре 2005 года опроса респондентам предлагалось высказать свое мнение о проблеме неравного обращения в эстонском обществе. Авторы исследования действовали в духе политики, осуществляемой органами Европейского Союза. Как подчеркивалось представителем Европейской Комиссии Одиль Квинтин, «антидискриминационная политика является важной частью общего подхода ЕС к иммиграции, проблеме включения, интеграции и занятости. Детализуя права и обязанности и подчеркивая выгоды от многообразия в мультикультурном обществе, эта политика поможет возглавить перемены, основывающиеся на взаимном уважении между этническими меньшинствами, мигрантами и принимающим обществом»¹. Здесь следует добавить, что в эстонском контексте блага от этой политики могут получить и представители традиционных меньшинств.

В последние годы в Европе укрепилось понимание того, что неравное обращение в отношении меньшинств может привести к масштабным потрясениям. Так, обеспечивая подписание Охридского «рамочного» соглашения 13 августа 2001 года, западные державы остановили сползание Македонии в пучину очередной этнической войны на Балканах, вынудив власти этой страны гарантировать, кроме прочего, равное обращение для албанского меньшинства.² Проблемы системной дискриминации стали, по мнению ряда экспертов, основной первопричиной масштабных волнений мигрантов, которые прокатились по предместьям французских городов осенью 2005 года.³ Таким образом, проблема обеспечения равного обращения в отношении как традиционных, так и новых меньшинств является во многом задачей по недопущению или прекращению этнических конфликтов.

Если мы вслед за А. Дмитриевым определим конфликт как «проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон»⁴, то этнический конфликт может быть частным случаем такого «противоборства». Дискриминация же, по сути, является ни чем иным, как ограничением для представителей определенной группы справедливого доступа к каким-либо ресурсам, которое может вызвать у членов этой группы неприятие и протест. Таким образом, проблема неравного обращения может лежать в основе этнических конфликтов.

¹ European Commission, *Equality and Non-discrimination in an Enlarged European Union. Green Paper*, 2004. P. 3.

² См. подробнее: U. Schneckener, *Developing and Applying EU Crisis Management. Test Case Macedonia*, ECMI Working paper no. 14, Flensburg, January 2002.

³ См., например, M. Artiguelong, "France: Violence in the Suburbs, the Urgent Need for a Social Response", in *ENARgy*, vol. 14, December 2005. P. 15.

⁴ А.В. Дмитриев, *Конфликтология*. М., 2001. С. 54.

В рамках исследования 2005 года в эстонской столице была получена информация о взглядах эстонцев и неэстонцев на проблему этнической дискриминации, которые касаются как группового уровня (т.е. характера межобщинных связей), так и декларируемого индивидуального опыта. Актуальность вопроса в представлениях людей может быть занижена или завышена. Однако невозможно себе представить, чтобы значительное внимание меньшинств привлекла к себе вовсе несуществующая проблема. В то же время без эффективной борьбы с дискриминацией гармонизация (интеграция) эстонского общества станет непосильной задачей: неравное обращение может свести на нет все возможные плюсы, на которые рассчитывал или будет рассчитывать представитель меньшинства, выполняя «индивидуальный план» интеграции.

Рассматривая дискриминацию как возможное проявление (скрытого) этнического противостояния, мы должны выяснить причины очевидной стабильности эстонского общества. Для этого нам следует изучить отношение респондентов к официальной этнополитике и указать на позитивные/негативные факторы, влияющие на их оценку государственной интеграционной стратегии. Здесь мы исходим из презумпции, что влияние меньшинств на процесс принятия политических решений незначительно. Кроме того, следует отметить различия во взглядах представителей обеих общин, касающиеся прошлого и будущего Эстонии в контексте межэтнических отношений.

Ситуация в Таллине интересна тем, что здесь эстонцы и неэстонцы представлены примерно в равных долях в населении города, где неизбежны не только контакты, но и конкуренция между представителями двух основных общин. Для отслеживания динамики межэтнических отношений нами использовались данные аналогичного исследования, проведенного в июле 2001 года⁵.

1. Этническая ситуация в Эстонии

Общие оценки

В отчете исследования 2001 года указывалось, что «взаимная изоляция или, как иногда выражаются, *сепарация* двух общин в значительной мере представляет собой свершившийся факт»⁶. Такой вывод был сделан на основании анализа состояния межэтнических отношений и контактов. В опросе 2005 года были заданы прямые вопросы о состоянии общества и о прогнозах на ближайшее будущее. Оказалось, что субъективные ощущения респондентов совпадают с нашими выводами.

⁵ А. Семенов (ред.), *Интеграция в Таллине 2001. Итоги социологического исследования*, Таллин, 2002.

⁶ А. Семенов, «Межэтнические отношения и контакты» // *Интеграция в Таллине 2001. Итоги социологического исследования*, Таллин, 2002. С. 72.

Таблица 1. Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию в обществе?⁷

	ПО ВЫБОРКЕ		Этническая группа			
	Число	%	Эстонцы		Неэстонцы	
			Число	%	Число	%
Общество расколото, существует явное неравенство	170	24,3	55	16,9	115	30,7
Этнические группы изолированы друг от друга	427	61,0	205	63,1	222	59,2
Этнические группы равноправны	65	9,3	41	12,6	24	6,4
Затрудняюсь ответить	38	5,4	24	7,4	14	3,7
ВСЕГО	700	100,0	325	100,0	375	100,0

Подавляющее большинство опрошенных констатируют изоляцию основных этнических групп друг от друга. Вместе с тем для многих респондентов факт раскола по этническому признаку не свидетельствует о существовании дискриминационных отношений в обществе. Мы можем предположить, что такой относительный оптимизм связан с тем, что сюжет дискриминации практически отсутствует в публичном дискурсе (более того, эту тему старательно избегают и журналисты, и официальные лица). Иными словами, опрошенные часто не вполне понимают, что такое дискриминация. Однако почти треть русских респондентов отметили наличие неравенства между этническими группами, и с ними согласны 17% эстонцев. Кроме того, лишь явное меньшинство верит, что этнические группы в Эстонии равноправны (среди эстонцев таковых вдвое больше, но всего 12,6%).

Таблица 2. Какой, по вашему мнению, будет ситуация в обществе через 5 лет?

	ПО ВЫБОРКЕ		Этническая группа			
	Число	%	Эстонцы		Неэстонцы	
			Число	%	Число	%
Общество расколото, существует явное неравенство	91	13,0	24	7,4	67	17,9
Этнические группы изолированы друг от друга	336	48,0	132	40,6	204	54,4
Этнические группы равноправны	129	18,4	74	22,8	55	14,7
Затрудняюсь ответить	144	20,6	95	29,2	49	13,1
ВСЕГО	700	100,0	325	100,0	375	100,0

⁷ Полностью ответы формулировались так: «1. Общество расколото, существует явное неравенство (дискриминация); 2. Этнические группы изолированы друг от друга, но явной дискриминации нет; 3. Этнические группы равноправны и находятся в отношениях партнерства и сотрудничества».

Что касается ближайших перспектив, то респонденты (особенно эстонские) выражают, как можно видеть, осторожный оптимизм. При этом доля тех, кто предпочел уклониться от ответа, значительно возросла. И все же более половины полагают, что общество останется расколотым и, таким образом, неравенство не исчезнет.

Представление о дискриминации: общинный уровень

В ходе опроса была изучена частота контактов эстонцев и неэстонцев с представителями другой группы на рабочем месте, в семье, в местах отдыха, в общественных организациях и по месту жительства. Такие контакты происходят, в основном, на работе и по месту жительства (у неэстонцев также в местах отдыха). Примечательно, что в Таллине, где эстонцы и неэстонцы в составе населения представлены почти в равных долях, лишь около половины и тех, и других общаются на работе с представителями другой группы часто или иногда. Это косвенно подтверждает наличие значительной этнической сегрегации рынка труда в эстонской столице.

Таблица 3. Как изменились ваши контакты по сравнению с жизнью до восстановления независимости Эстонии? (%)

	Этническая группа			
	Эстонцы		Неэстонцы	
	2001	2005	2001	2005
Стали чаще	14,5	17,5	23,5	18,4
Сохранились на прежнем уровне	50,9	51,4	49,2	48,0
Сократились	27,5	22,5	15,2	22,1
Трудно ответить	7,1	8,6	12,2	11,4

Среди эстонских респондентов по сравнению с предыдущим опросом 2001 года изменений практически не произошло. В то же время можно отметить, что в 2001 году русские были более оптимистичными по сравнению с эстонцами (23,5% полагали, что контакты стали чаще), но в 2005 году их ответы уже мало отличаются от эстонских. В целом на личностном уровне ситуация выглядит скорее позитивно: для половины опрошенных контакты остались (и остаются) на прежнем уровне, хотя доля тех, кто отмечает сокращение контактов, выше, чем доля «оптимистов», и эта тенденция сохраняется.

Иная картина складывается, если прояснить взаимную удовлетворенность этими контактами, т.е. насколько положительно люди оценивают реальные взаимоотношения с представителями другого сообщества. Ответы на следующий вопрос предостерегают от излишнего оптимизма.

Таблица 4. Как изменялись взаимоотношения между эстонцами и неэстонцами по сравнению с «советским временем»? (%)

	Этническая группа			
	Эстонцы		Неэстонцы	
	2001	2005	2001	2005
Стали лучше	29,9	30,5	13,8	8,0
Сохранились на прежнем уровне	41,7	32,9	31,8	34,9
Ухудшились	13,9	12,6	38,7	43,7
Трудно ответить	14,5	24,0	15,7	13,3

Очевидно, что субъективное мироощущение эстонцев и неэстонцев различается весьма значительно. Если 30% эстонцев считали и продолжают считать, что межэтнические отношения улучшились после восстановления независимого Эстонского государства, то в 2001 году с ними были согласны лишь 14% русских, а в 2005 году таких оказалось еще меньше – только 8%. Такое очевидное расхождение в восприятии само по себе свидетельствует о степени отчуждения двух общин и подтверждает вывод о существовании явного раскола в эстонском обществе.

Интересно, тем не менее, что довольно значительная доля респондентов отметила, что за время, прошедшее между двумя опросами, наблюдаются положительные изменения:

Таблица 5. Как бы вы лично оценили отношения эстонцев и неэстонцев в целом, если сравнивать с тем, что было 5 лет назад? Стали эти отношения...

	ПО ВЫБОРКЕ		Этническая группа			
	Число	%	Эстонцы		Неэстонцы	
			Число	%	Число	%
Лучше	230	32,9	117	36,0	113	30,1
Остались на прежнем уровне	314	44,9	121	37,2	193	51,5
Ухудшились	62	8,9	21	6,5	41	10,9
Затрудняюсь ответить	94	13,4	66	20,3	28	7,5
ВСЕГО	700	100,0	325	100,0	375	100,0

Иными словами, до трети опрошенных полагают, что отношения стали лучше – если не в сравнении с советскими временами, то по крайней мере за последние годы: это относится как к эстонским, так и к неэстонским респондентам. Трудно сказать, можно ли толковать эти данные в том смысле, что низшая точка раскола уже преодолена или речь идет о своеобразном «привыкании» людей к ситуации? Стоит оставить этот вопрос пока открытым и отметить лишь, что значительная доля эстонцев (каждый пятый) вообще затруднились высказать свое мнение.

Для того чтобы уверенно судить о возможных позитивных изменениях в ближайшей перспективе, стоит обратить внимание на динамику готовности к межэтническим контактам. Пять лет назад мы сделали вывод, что члены неэстонского сообщества в целом намного более открыты межэтническим контактам, нежели эстонцы. В качестве такого рода теста мы использовали стандартный набор установок этнической толерантности, применяемый в американской социологии, – терпимость и готовность к контактам на работе, по месту жительства (соседские отношения) и в семье.

Таблица 6. Установки на межэтническую замкнутость–открытость (моноэтнические - мультиэтнические) (%)

	Эстонцы		Неэстонцы	
	2001	2005	2001	2005
<i>Предпочтительный коллектив на работе</i>				
Моноэтнический	36,3	34,2	11,0	7,2
Все равно	48,9	48,3	43,0	53,3
Мультиэтнический	14,7	17,5	44,9	39,5
<i>Предпочтение соседей – установки</i>				
Моноэтнические	48,6	45,8	4,9	4,3
Все равно	42,3	43,1	57,7	63,2
Мультиэтнические	9,0	11,1	37,4	32,5
<i>Отношение к смешанным бракам</i>				
Отрицательное	30,6	28,0	12,2	10,4*
Неопределенное	28,5	30,2	25,8	28,3*
Положительное	40,8	41,8	62,0	61,3*

* Приведены данные только о тех, кто отвечал на вопросы по-русски

Приведенные данные позволяют заключить, что общая ситуация, к сожалению, практически не изменилась. Некоторые слабые сдвиги в сторону толерантности среди эстонцев (на 1-2%) не свидетельствуют об изменении их в целом достаточно негативного отношения к межэтническим контактам. При таких установках сообщества, представляющего большинство населения, трудно ожидать тенденций реальной интеграции общества. Положительным обстоятельством можно считать лишь то, что среди русских установки на терпимость и открытость остались на прежнем уровне, несмотря на продолжающуюся уже 15 лет их изоляцию и очевидно неравноправное положение в эстонском обществе и государстве (см. ниже).

Данные о том, что ксенофобные установки среди эстонцев в несколько раз превышают подобные установки на этническую замкнутость среди русских, подтверждаются другими исследователями. Социолог Ирис Петтай, используя несколько иной набор индикаторов, получила в целом сходные результаты.

Таблица 7. Отсутствие готовности к контактам 1999 – 2005 (%)⁸

		Эстонцы		Неэстонцы	
		Не хотел бы	Лучше не надо	Не хотел бы	Лучше не надо
		1999	2005	1999	2005
Жить с эстонцами/ русскими в одном доме	Вся выборка	36	25	3	3
	Молодежь	28	28	2	4
Состоять с эстонцами/ русскими в клубе/ обществе по интересам	Вся выборка	29	23	12	8
	Молодежь	29	28	10	12
Работать в коллективе, где большинство русские/эстонцы	Вся выборка	45	32	13	10
	Молодежь	44	37	15	15
Быть пациентом русского/ эстонского врача	Вся выборка	38	37	10	11
	Молодежь	32	43	11	15

Общереспубликанское исследование «Мониторинг интеграции» 2005 года и мониторинг эстонского Института открытого общества 1999 года

⁸ Полностью вопрос звучал так: «Как бы вы отнеслись к тому, если бы вам пришлось...». I. Pettai, „Sallivus rahvussuhetes Eestis“// Uuringu Integratsiooni Monitooring 2005 Aruanne, Tallinn. Lk. 36.

По данным И. Петтай, приведенным в Таблице 7, значительная часть эстонцев стабильно демонстрируют ксенофобные установки, тогда как для русских соответствующий показатель ниже в 3 – 7 раз (максимум для русских – 15%). Хотя в целом цифры ниже, чем в нашем исследовании, но общие тенденции сохраняются. В значительной степени разницу можно отнести на счет выборки: в нашем случае опрашивались только жители Таллина, а у И. Петтай выборка была общенациональная.

Другое отличие: в исследовании И. Петтай по некоторым параметрам существует явная положительная динамика среди эстонцев, что, однако, не относится к молодежи. Это достаточно тревожный сигнал, поскольку ранее многие эксперты отмечали большую открытость и терпимость именно среди молодежных групп.

Примечательно, что ответы на прямой вопрос - дискриминируются ли в Эстонии какие-либо этнические группы или нет? - отличаются некоторой непоследовательностью (см. ниже). Так, в нашем исследовании на этот вопрос ответы «да, часто» и «да, довольно часто» дали 10% эстонцев и уже 41% неэстонцев (натурализованных граждан - 38%). Зато ответ «не особенно часто» выбрали уже 33% эстонцев и 43% неэстонцев. Здесь следует также отметить, что среди эстонцев, верящих в дискриминацию каких-либо этнических групп, каждый четвертый имел в виду собственную группу, т.е. дискриминацию эстонцев. Ответ «вообще нет» выбрали каждый второй эстонец и каждый десятый представитель меньшинств.

Дискриминация: индивидуальный опыт

Статистика государственных органов ничего не может сказать о случаях дискриминации меньшинств: они либо не собирают такие данные, либо могут сообщить о единичных жалобах⁹. Поэтому в ходе опроса 2005 года респондентам был задан вопрос о том, ограничивались ли в течение последних трех лет их права или испытывали ли они унижающее достоинство обращение из-за их этнического происхождения в ряде областей и в отношении ряда ситуаций.

⁹ Например, в 2005 году эстонская Инспекция по труду специально данные о дискриминации на основании этнического или расового происхождения не собирала, хотя эстонские законы о труде содержали детальные нормы в отношении такой дискриминации на рабочем месте. Письма Инспекции по труду № 1-05/13815v от 28 июля 2005 года и № 1-05/13815-3 от 19 августа 2005 года.

Таблица 8. Опыт ограничения прав или недостойного обращения в последние три года из-за этнического происхождения (%)¹⁰

	Эстонцы		Неэстонцы		Граждане Эстонии по натурализации		Граждане России		Лица без какого-либо гражданства	
	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет
Учреждения образования	2,8	58,5	11,2	53,6	11,4	59,3	5,1	41,0	12,0	55,0
Предприятия торговли	12,3	74,2	28,8	65,6	21,1	74,0	38,5	55,1	38,0	58,0
Предприятия общественного питания	5,8	72,0	9,9	74,9	6,5	82,9	7,7	64,1	12,0	75,0
Жилье	3,1	63,7	12,5	66,4	13,0	67,5	12,8	61,5	15,0	72,0
Транспорт	8,0	75,1	21,3	73,3	15,4	78,9	23,1	73,1	29,0	69,0
Работа	1,8	---	17,1	---	15,4	---	16,7	---	23,0	---

Конечно, приведенные данные не свидетельствуют о реальных случаях дискриминации в юридическом смысле этого слова. Как видно из Таблицы 8, и эстонцы, и неэстонцы наиболее часто сталкивались (или полагают, что сталкивались) с ограничением прав и недостойным обращением из-за их этнического происхождения в сфере торговли и на транспорте. На рабочем месте подобный опыт имели 17% неэстонцев, и еще 23% указали здесь в качестве причины ограничения прав или недостойного обращения свой родной язык. Примечательно, что среди натурализованных граждан (т.е. лиц с урегулированным статусом, обычно владеющих эстонским языком) об опыте дискриминации на рабочем месте сообщили 15% (этничность) и 23% (родной язык). Хотя вопрос о дискриминации по языку задавался только относительно работы, не исключено, что причиной недолжного обращения в отношении неэстонцев в других областях также являлось использование ими русского языка, нежели их этническое происхождение.

При том, что в некоторых областях неэстонцы отмечают случаи неравного обращения по этническому или языковому признаку в 10 раз чаще, чем эстонцы, все же ситуация в целом далека от критической – по крайней мере с точки зрения самих респондентов. Можно полагать, что, как указывалось выше, вследствие отсутствия темы дискриминации в публичном дискурсе люди не склонны интерпретировать свои повседневные трудности и события в этом ключе. Например, отказ от интервью при приеме на работу для кандидатов

¹⁰ Полностью вопрос звучал так: «Приходилось ли вам в последние три года испытать ограничения своих прав или унижающее достоинство обращение из-за вашей национальности?» В отношении учреждений образования стоит отметить, что там в указанный срок не бывало 25% натурализованных граждан, 51% граждан России и 30% апатридов. 24% граждан России в это время не посещали кафе, ресторанов и т.п. Это может объяснить заметную разницу в ответах по этим категориям респондентов по сравнению с другими неэстонцами.

с русскими фамилиями или трудности в продвижении по службе зачастую воспринимаются как должное, в отличие от европейских стран, где такие случаи становятся объектом пристального внимания правозащитных организаций и специальных антидискриминационных служб. О том, что такая проблема существует, свидетельствуют, например, некоторые (хотя и редкие) публикации в прессе о тенденции смены русскими своих фамилий на эстонские. Эксперты прямо утверждают, что «чаще всего в такой ситуации русскими движет желание устроиться на работу получше и зарабатывать побольше»¹¹.

К группе вопросов о негативном опыте межобщинных контактов относился и тот, где спрашивалось о фактах насилия на этнической («национальной») почве. Временных ограничений вопрос не содержал и потому характеристикой нынешнего положения дел считаться не может. Любопытно, что никогда не слышали о подобных случаях каждый пятый эстонец и каждый третий неэстонец. Однако примерно 6% и тех и других заявили, что были жертвами насилия на этнической почве, а более 18% в обеих группах - непосредственными свидетелями. Но больше всего в обеих группах было тех, кто сам свидетелем или жертвой не был, но «слышал о таких случаях». Среди неэстонцев их было чуть менее половины, среди представителей большинства – почти 60%.

Иными словами, в реальность насилия на этнической почве, исключительно редко фиксируемого официальными органами, половина и эстонцев, и неэстонцев «верит» с чужих слов, т.е. по слухам и сообщениям СМИ. Но данные других исследований подтверждают высокую степень конфликтности в эстонском обществе, которое, однако, редко переходит в инциденты, связанные с насилием¹².

Таблица 9. Наблюдение конфликтов между эстонцами и неэстонцами в последние два года (%)¹³

	Эстонцы		Неэстонцы	
	2000	2005	2000	2005
СМИ	40	43	28	32
Общественные места	39	45	47	44
В окрестностях жилища	21	26	12	22
В государственных учреждениях	11	10	32	25
На рабочем месте	---	8	---	14

Общереспубликанское исследование «Мониторинг интеграции» 2000 и 2005 годов

¹¹ См., например, «Русские все чаще меняют имена и фамилии», *Delfi* (23.01.2003).

¹² I. Pettai I., *Sallivus rahvussuhetes Eestis...*: Lk. 34.

¹³ I. Pettai I., *Sallivus rahvussuhetes Eestis...*: Tabel 1. Полностью вопрос звучал так: «Приходилось ли вам в последние два года наблюдать конфликты между эстонцами и неэстонцами или сталкиваться со случаями враждебного отношения к эстонцам и неэстонцам?» В таблице приведены суммы ответов на вопрос «Да, часто» и «Да, иногда».

2. Отношение к этнополитике, включая политику интеграции

Об интеграционной стратегии

В данном разделе нашей задачей будет определить, как эстонцы и неэстонцы относятся к этнополитике, включая политику интеграции. Это позволит нам почувствовать контекст, в котором формируются приведенные выше представления о неравном обращении.

С конца 1990-х годов официальной декларируемой целью этнополитики на национальном уровне является интеграция этнических неэстонцев, под которыми понимают прежде всего т.н. «русскоязычных». Принятая в 2000 году Государственная программа «Интеграция в эстонском обществе в 2000-2007 годах» послужила некоей идеологической основой для этой политики, хотя ее влияние на конкретные политические решения никогда не было решающим. Официально интеграция понимается как «с одной стороны - социальная унификация общества на базе владения эстонским языком и обретения эстонского гражданства, и, с другой стороны – предоставление возможности сохранения этнических различий на основе признания культурных прав этнических меньшинств. Унификация общества означает интеграцию как эстонцев, так и неэстонцев вокруг объединяющей их общей составляющей»¹⁴. Под общей составляющей понимаются «общие гуманистические и демократические ценности; единое информационное пространство и среда общения на эстонском языке; единые государственные институты; знание основных фактов истории Эстонии, признание ценности статуса гражданина Эстонской Республики и осознание мультикультурности эстонского общества»¹⁵.

По мнению одного из авторов нынешней интеграционной концепции Эстонии Райво Ветика, в интеграционной политике пытаются одновременно совместить два противоположных подхода: модернистский (направленный на унификацию) и постмодернистский (направленный на сохранение различий). Модернистский проект должен быть завершен, потому что был насильственно прерван в 1940 году при инкорпорации в СССР. Постмодернистские подходы надо учитывать, ибо они главенствуют в политическом дискурсе современного Запада (в виде т.н. дискурса мультикультурализма¹⁶). От себя отметим, что такая позиция неизбежно ведет к противоречию между этноцентричным подходом к государственности (представленным, например, в преамбуле эстонской Конституции¹⁷) и либеральными «гражданскими» принципами (которые можно отыскать в государственной программе интеграции).

Как видно, понятие общего ядра общества, которое кроме неких само собой разумеющихся критериев (общечеловеческие ценности, гражданский патриотизм и т.п.) включает в себя эстонский язык - важнейший символ эстонской «самости». С учетом принципа о главенстве эстонской культуры¹⁸, стратегия языковой унификации фактически двуязычного общества – центральная идея всей интеграционной политики Эстонии – имеет

¹⁴ Государственная программа «Интеграция в эстонском обществе в 2000-2007 годах». Пункт 3.2.

¹⁵ Государственная программа... Пункт 3.4.

¹⁶ См. R. Vetik, *Democratic Multiculturalism: a New Model of National Integration*, Aland Islands, 2000. P.18-19.

¹⁷ «Народ Эстонии, выражая непоколебимую веру и твердую волю укреплять и развивать государство, ... которое призвано обеспечить сохранность эстонской нации и культуры на века, всенародным голосованием 28 июня 1992 года принял... настоящую Конституцию». «Народ» («rahvas») здесь является «гражданским» понятием, а «нация» («rahvus») – этническим. P. Järve. *Ethnic Democracy and Estonia. Application of Smooha's Model*, Flensburg, 2000. P. 7.

¹⁸ Государственная программа... Пункт 3.4.

явно выраженный ассимиляторский уклон. Не случайно основные фонды программы интеграции постоянно направлялись на обучение неэстонцев эстонскому языку и на обеспечение перехода русских гимназий на преподавание преимущественно на эстонском языке. В то же время признание в государственной интеграционной программе культурных прав меньшинств весьма мало отразилось на реалиях интеграционной политики¹⁹.

Эстонский политолог Рейн Руутсоо, анализируя эстонскую политику в области гражданства, прямо заявил, что «этноколлективистская сущность эстонской государственности выражена через подчеркивание коллективных целей эстонцев как представителей определенного народа и привилегий эстонцев как лиц, принадлежащих к определенному этносу»²⁰. По мнению Руутсоо, привилегии обеспечивают восемь положений Конституции. Во многом с этим анализом соглашается и другой эстонский политолог Прийт Ярве. Он счел возможным применить к Эстонии модель т.н. «этнической демократии», разработанную израильским социологом Самми Смуха²¹. Объяснить происходящее в Эстонии можно и через систему этнического контроля большинства над меньшинствами, описанную Яном Ластиком. На практике это попытались сделать эстонские исследователи Велло Петтай и Клара Халлик²². Таким образом, на этническую пристрастность Эстонского государства указали сразу несколько серьезных работ местных авторов.

Интеграционная стратегия Эстонии строго индивидуальна. Интегрируется тот, кто выполнил определенные условия, то есть выучил эстонский язык и воспринял определенный набор «общих» ценностей. Программа совершенно проигнорировала вопрос, что следует делать с теми, кто оказался «непригодным» для интеграции (по языковому признаку или из-за «пороков» идентичности). Есть вполне обоснованные опасения, что неэстонцы, которые не смогут или не захотят интегрироваться на предлагаемых условиях, будут маргинализированы в эстонском обществе. Процессы, которые будут происходить в среде маргиналов, заведомо выйдут из-под контроля властей. В случае углубления экономического неравенства или при наличии любого другого значимого фактора усиления чувства отчуждения от «официального общества» этническая мобилизация маргинальных элементов общины неэстонцев представляется вполне вероятной. Последствия такой мобилизации, помноженные на территориальную компактность проживания меньшинств, могут иметь особенно неприятные последствия для эстонской столицы.

Оценка интеграционной политики

В Эстонии государственная политика всегда находит свое выражение в законодательных актах, которые более-менее тщательно реализуются на практике. В ходе опросов 2001 и 2005 годов респонденты давали свои оценки тем законам, которые в специфических эстонских условиях непосредственно касаются меньшинств. Отношение ко многим из них у эстонцев и неэстонцев оказалось диаметрально противоположным.

¹⁹ Подробное описание и критика эстонской программы интеграции: "Minority Protection in Estonia: An Assessment of the Programme Integration in Estonian Society", in Open Society Institute, EU Accession Monitoring Program, *Monitoring the EU Accession Process: Minority Protection, Part 1*, Budapest, 2002.

²⁰ R. Ruutsoo, "Eesti kodakondsuspoliitika ja rahvusriigi kujunemise piirjooned" // M. Heidmets (toim.), *Vene ksisimus ja Eesti valikud*, Tallinn, 1998. Lk. 176.

²¹ P. Järve, *Ethnic Democracy and Estonia...*

²² V. Pettai and K. Hallik, "Understanding Process of Ethnic Control: Segmentation, Dependency and Co-optation in Post-communist Estonia", in *Nations and Nationalism*, vol. 8, no. 4, 2002.

У неэстонцев сравнительно высокую положительную оценку получил только закон, касающийся местных выборов, на которых правом голосовать обладают не только граждане, но и подавляющая часть лиц без эстонского гражданства. Следует также добавить, что в 2005 году о *негативном* отношении к Закону о языке заявили 69% неэстонцев, к Закону о гражданстве – 66%, к Закону об иностранцах – 50%, к Закону об основной школе и гимназии – 57%. Эти же законы получили *положительную* оценку соответственно у 74, 64, 46 и 43% эстонцев. Таким образом, можно предположить, что нынешняя политика властей в отношении языкового регулирования, статуса иностранцев и доступа к гражданству опирается на поддержку большинства или хотя бы половины таллинских эстонцев, однако поддержкой неэстонцев она не пользуется.

В ходе опроса 2001 года задавался также вопрос о необходимости выполнять несправедливые законы, отвечая на который неэстонцы показали по сравнению с эстонцами большую готовность к пассивному подчинению таким правовым актам. С учетом этого обстоятельства Клара Халлик, анализируя данные по поддержке законов, пришла к выводу, что для большинства неэстонцев «правовое пространство Эстонии является конфликтным, ибо два разных побуждения: во-первых, нормативное требование законопослушания, и, во-вторых, отрицательная оценка законов, - создают постоянно действующую дисгармонию... [Такая ситуация] неизбежно влечет за собой правовой нигилизм»²³.

В 2005 году вопрос о выполнении «несправедливых законов» не задавался, однако и эстонцев, и неэстонцев спрашивали о доверии к институтам власти. Так, обе группы характеризовала сравнительно высокая степень доверия к парламенту (суммы ответов «скорее доверяю» и «полностью доверяю» соответственно 45 и 42%) и к правительству (51 и 52%). Больше разнятся данные в отношении президента (86 и 64%). Значительно меньше эстонцев меньшинства доверяют суду, прокуратуре и полиции, зато заметно больше – таллинским городским властям. Однако насколько осознанно представители меньшинств давали свою оценку работе, например, правительства – это отнюдь не очевидно. Есть все основания считать, что информации о его работе у неэстонцев гораздо меньше. В ходе опроса респондентов попросили назвать премьер-министра Эстонии. И если 87% эстонцев ответили на этот вопрос правильно, то среди неэстонцев таковых было 44%. Примечательно, что 41% представителей меньшинств смогли правильно назвать премьер-министра России (5% эстонцев). Это хотя бы частично можно отнести на счет постоянного потребления неэстонцами продукции российских СМИ, особенно телевидения.

Если говорить о реальной интеграционной политике властей, то она не вызывает особенного энтузиазма ни в одной из общин.

²³ К. Халлик, „Позитивные и негативные факторы интеграции“ // А. Семенов (ред.), *Интеграция в Таллине 2001. Итоги социологического исследования*, Таллин, 2002. С. 89.

Таблица 10. Каково Ваше отношение к программе и политике интеграции в Эстонии?

	ПО ВЫБОРКЕ		Этническая группа			
	Число	%	Эстонцы		Неэстонцы	
			Число	%	Число	%
Позитивное (удовлетворен)	195	27,9	92	28,3	103	27,5
Двойственное (частично удовлетворен, частично неудовлетворен)	233	33,3	94	28,9	139	37,1
Негативное (неудовлетворен)	216	30,9	96	29,6	120	32,0
Затрудняюсь ответить	56	8,0	43	13,2	13	3,5
ВСЕГО	700	100,0	325	100,0	375	100,0

Слегка огрубляя, можно сказать, что по отношению к правительственной программе люди примерно поровну делятся на три группы по степени удовлетворенности. Это само по себе свидетельствует о том, что она пользуется явно недостаточной поддержкой населения и общественности Эстонии. Более того, за пять лет отношение к программе интеграции заметно ухудшилось (особенно среди эстонцев). В 2001 году оценка *программы* была следующей:

Таблица 11. Как вы оцениваете программу «Интеграция в эстонском обществе в 2000-2007 годах?» (%)

	ПО ВЫБОРКЕ	Этническая группа	
		Эстонцы	Неэстонцы
Полностью положительно/ Скорее положительно	25	31	20
Двойственно /Нейтрально	50	48	51
Скорее отрицательно/ Полностью отрицательно	10	3	17
Затрудняюсь ответить	15	18	12

С достаточной уверенностью можно утверждать, что рост негативного отношения произошел в связи с неудовлетворенностью практическими действиями правительства в сфере интеграции. В 2001 году программа только начинала внедряться, и тогда мы задавали вопрос лишь об *оценке* этой программы. В 2005 году респонденты выражали свое отно-

шение уже и к *программе*, и к *политике* интеграции в Эстонии. Видно, что доля недовольных возросла среди неэстонцев почти в 2 раза, а среди эстонцев – почти в 10 (!) раз.

На основные проблемы интеграции, однако, общины смотрят по-разному. Для половины эстонцев приоритетными являются проблемы, связанные с языком и культурой. Далее идут социально-экономические проблемы (26%) и правовые и политические проблемы (18%). У меньшинств, напротив, последняя группа проблем стоит на первом месте (37%), социально-экономические проблемы – на втором (34%), а язык-культура – на последнем (26%). В 2001 году ранжировка приоритетов была схожей и столь же асимметричной с той лишь разницей, что указанная асимметричность лишь усилилась. Эстонцы еще большее значение стали придавать проблемам языка и культуры, а русские – правовым и политическим аспектам. Таким образом, в данных опроса отразились споры между лидерами большинства и меньшинства о том, что важнее в процессе интеграции как первый этап: изучение эстонского языка или получение эстонского гражданства²⁴.

Выяснилось также, что меньшинства плохо информированы о деятельности официальных институтов, занимающихся интеграцией, и низко оценивают их работу. Например, с работой Бюро министра народонаселения не знакомо 65% неэстонцев, из остальных скорее доверяют этой институции 14%, скорее не доверяют – 22% (среди натурализованных граждан соответственно 24 и 24%). О работе Фонда интеграции неэстонцев не осведомлены 74% неэстонцев. Скорее доверяют ему 8%, нет – 18% (среди натурализованных граждан – соответственно 12 и 18%). Для сравнения: уровень доверия к ведущим общественным организациям русских и русскоязычных колеблется у неэстонцев в пределах 26-36%.

Приведенные в данном разделе данные указывают на неприятие меньшинствами законодательных основ местной этнополитики, но при этом и на относительно высокий уровень доверия к институтам власти. Эстонское государство, как указывалось выше, может и не быть этнически нейтральным. И, тем не менее, неэстонцы сохраняют высокий уровень лояльности, будучи готовыми подчиняться даже несправедливым, на их взгляд, законам. Пока будет сохраняться такая ситуация, открытый этнический конфликт в Эстонии маловероятен.

Реформа русскоязычного образования

Особый интерес для нас представляет реформа русскоязычного образования, которая, без сомнений, является одной из ключевых проблем официальной интеграционной стратегии. Отношение к означенной реформе поможет объяснить скромные оценки, которые и эстонцы, и неэстонцы давали официальной интеграционной политике.

²⁴ Об этом см., например, "Minority Protection in Estonia..."

Таблица 12. Какую модель образования вы считаете наиболее подходящей для проживающих в Эстонии русских? (%)

	Эстонцы	Неэстонцы
Модель 1. Обучение с 1-го по 12-й класс на эстонском языке; русский изучается как отдельный предмет	28,6	5,6
Модель 2. Обучение в начальной школе проходит на русском языке, в основной школе и гимназии – на эстонском	28,0	5,3
Модель 3. В начальной и основной школе обучение проходит на русском языке, в гимназии (10-й - 12-й класс) – на эстонском	14,8	7,2
Модель 4. В начальной и основной школе на русском языке, в гимназии (10-й - 12-й класс) минимум 60% предметов на эстонском	16,0	19,2
Модель 5. С 1-го по 12-й класс обучение на русском языке, но несколько не основных предметов преподаются на эстонском	3,1	33,3
Модель 6. С 1-го по 12-й класс обучение на русском языке; эстонский изучается как иностранный язык	0,9	19,5
Затрудняюсь ответить	8,6	9,9
ВСЕГО	100	100

Как видно из Таблицы 12, более половины эстонцев предпочли бы для русских ассимиляторские модели образования, в то время как большая часть неэстонцев - модели, наименее совместимые с выбором в пользу ассимиляции. Примечательно, что модель 4 – нынешняя официальная модель в Эстонии, вводимая с 2007 года, – не слишком популярна в обеих общинах, будучи, по сути, своеобразным компромиссом между двумя «крайностями» (эта модель, судя по всему, не сможет полностью устроить ни одну из общин).

Из приведенных в Таблице 12 данных также можно сделать вывод, что большинство неэстонцев хочет, чтобы столь важная часть социализации их детей и молодежи, как школьное обучение, целиком проходила бы на родном языке. Другие недавние исследования подтверждают, что реформа гимназического образования вызывает у большинства неэстонцев озабоченность в отношении сохранения связи русской молодежи с родным языком и культурой²⁵. Все это свидетельствует и о желании ядра русской общины избежать ассимиляции и сохранить родной язык и культуру. А это, между прочим, находится в полном соответствии с официально *декларируемыми* принципами интеграции.

Об идентичности

С недавних пор эстонские социологи ввели в оборот новый термин «эстонорусские» (eestivenelased). Эта была попытка избавиться от постоянно критикуемых понятий «русскоязычные» и «неэстонцы». Сам факт использования неологизма указывает на желание разглядеть формирование в среде меньшинств некой новой общности. Обоснованность подобного предположения подтверждают и ответы на вопрос о сходстве/различиях между русскими Эстонии и России, который в ходе опроса 2005 года задавался и эстонцам, и неэ-

²⁵ I. Pross, „Eestivenelaste keeleoskus ja suhtumine 2007. aasta gümnaasiumireformi“ // *Uuringu Integratsiooni Monitooring 2005 Aruanne*, Tallinn. Lk. 30.

стонцам. Половина неэстонцев выбрала ответ «в чем-то различаются» и около трети «различаются значительно». У эстонцев почти половина заключила, что две эти группы различаются значительно, и треть – в чем-то. Тем самым представители большинства даже более уверены в различиях между эстонскими и российскими русскими, нежели сами русские. Сами же различия воспринимаются в обеих группах как данность.

Но насколько важен для идентификации обеих групп собственно этнический компонент? В ходе опроса людей поставили перед выбором между гражданской, территориальной и этнической идентичностью. Вопрос звучал так «Кем вы себя считаете прежде всего?» Если у эстонцев основная масса респондентов распределилась между «гражданами Эстонии» (43%) и «эстонцами» (45%), то у неэстонцев самыми популярными ответами были: «русскими» (31%), «жителями Эстонии» (25%), «жителями Таллина» (23%) и «гражданином Эстонии» (16%). Выбор последнего варианта для более чем половины опрошенных неэстонцев был неприемлемым по объективным причинам: они неграждане. Для многих из них, однако, оказался предпочтительным выбор в пользу территориальной идентификации. Среди граждан по натурализации «прежде всего гражданами Эстонии» считала себя уже треть.

Эти ответы интересно сравнить с тем, что неэстонцы считают основными обязанностями «русских в Эстонии». Респондентам был предложен список из семи возможных вариантов ответов, которые были сформулированы на основе газетных публицистических клише²⁶. Эта часть работы рассматривалась как способ определения наиболее важных общих тенденций, которые должны отразить весь основной спектр возможных моделей поведения: от сегрегации до интеграции²⁷.

На первое место больше всего респондентов-неэстонцев (38%) поставили ответ «вместе с эстонцами решать проблемы, стоящие перед нашей страной». Четверть респондентов выбрала ответ «сохранять русский язык и культуру и развивать гармоничное сосуществование двух общин». Третье место разделили две разнонаправленные установки: 10% считали наиболее важным «быть лояльными жителями и уважать право эстонцев управлять своей страной» и 8% - «организовываться политически, чтобы защищать интересы русских». Вариант «реализовывать право русских в Эстонии на самоопределение» выбрало лишь 6%. Эти данные показывают, что степень политической мобилизации неэстонцев невелика и что большая часть их выбрала стратегию интеграции. Однако потенциал для политической мобилизации сохраняется: если мы приведем данные по тройкам основных приоритетов, тогда на первое, второе и третье место вариант «вместе решать проблемы...» поставили уже 83%, «сохранять язык и культуру...» - 78%, а «организоваться политически...» - 40% неэстонцев.

Можно сказать, что при ответе на тот же вопрос эстонцы продемонстрировали достаточно сильные как интеграционные, так и ассимиляторские установки²⁸. В то же время

²⁶ Весь список выглядел следующим образом: уехать из Эстонии на свою родину; уважать эстонскую культуру и учить детей в эстонских школах; быть лояльными жителями и уважать право эстонцев управлять своей страной; вместе с эстонцами решать проблемы, стоящие перед нашей страной; сохранять русский язык и культуру и развивать гармоничное сосуществование двух общин; организовываться политически, чтобы защищать интересы русских; реализовывать право русских в Эстонии на самоопределение.

²⁷ Подобная методика уже была апробирована в 2001 году. См. А. Семенов, «Межэтнические отношения...». С. 59-63.

²⁸ Представления эстонцев об основной задаче местных русских были следующими: первоочередной задачей «быть лояльными...» выбрали 33%, на втором месте было «уважать эстонскую культуру и учить детей в эстонских школах» (26%) и на третьем – «вместе решать проблемы...» (21%).

в *тройку* приоритетов вариант, что неэстонцы должны «уехать из Эстонии на свою родину», включило лишь 17% эстонцев.

Любопытно посмотреть, насколько ощущается представителями обеих общин дистанция в отношении к культурам друг друга. Здесь различия между эстонцами и неэстонцами весьма существенны. Если в Таллине 16% представителей большинства ответили, что русская культура для них скорее близка, чем далека, то у неэстонцев в отношении эстонской культуры так ответило уже более 40%. Эта же тенденция просматривается в отношении не близости, но интереса к культуре другой общины. Если русская культура очень интересна или просто интересует лишь треть эстонцев, то эстонская культура – уже более половины неэстонцев. Скорее не интересует или вовсе не интересует русская культура 59% эстонцев, эстонская – треть неэстонцев. Однако была замечена и следующая закономерность: интерес к русской культуре у эстонцев рос вместе с уровнем образования и у лиц с высшим образованием приближался к 50%.

Приведенные в данном разделе данные можно интерпретировать в пользу существования в Таллине двух общин, идентичность которых имеет этническую компоненту (причем для неэстонцев речь идет о русском языке и культуре). В обеих группах есть крепкое ядро, вокруг которого может происходить консолидация «соплеменников» по этническому признаку. Неэстонцы более открыты культурному влиянию культуры эстонцев. Как показывают данные в Таблице 12, большинство их желает сохранить полноценное образование на родном языке, т.е. пока стремится избежать размывания внешних границ своего сообщества.

Сегрегация и дискриминация

Может ли общество, расколотое по «национальному» признаку, где этнические группы изолированы друг от друга, все же избежать ситуации дискриминации меньшинств со стороны большинства? Может ли государство в такой ситуации эффективно гарантировать представителям меньшинств право на равное обращение и равный доступ к участию в общественной, политической и экономической жизни? Вопросы эти являются, наверное, риторическими, поскольку примеров изолированного, но равноправного сосуществования «двух обществ в одном государстве» в исторической практике почти не наблюдается – по крайней мере в унитарном, а не федеральном государстве. Стоит отметить, что хотя эстонские коллеги при описании ситуации употребляют «мягкий» термин этническая *сепарация*, он не является общепринятым на международном уровне, где используется понятие сегрегации²⁹. Поэтому не стоит безоговорочно доверять субъективным мнениям респондентов, приведенным выше в Таблице 1. Целесообразно проанализировать ситуацию этнического неравенства и тенденций дискриминации более детально, а также посмотреть, к каким итогам привела официальная этнополитика последних 15 лет.

Начнем с показателей, которые представляют собой сравнение возможностей эстонцев и неэстонцев (русских) в различных сферах жизнедеятельности.

²⁹ См., например, "SEGREGATION 2", in *The American Heritage Dictionary*: "The policy or practice of separating people of different races, classes, or ethnic groups... especially as a form of discrimination". Имеется на <http://www.answers.com/topic/segregation> (16.03.2006).

Таблица 13. Как вы считаете, кому при прочих равных условиях, включая владение государственным языком, а также гражданством Эстонии, легче и проще...?

(1 – эстонцам легче, 4 – равные возможности, 7 – неэстонцам легче)

	ПО ВЫБОРКЕ	Этническая группа	
		Эстонцы	Неэстонцы
Сделать политическую карьеру	2,25	2,98	1,62
Достигнуть успеха в бизнесе	3,25	3,90	2,70
Получить хорошее образование	2,92	3,59	2,35
Обеспечить себе материальное благосостояние	3,19	3,94	2,55
Получать пенсии и пособия	3,57	3,77	3,39
Участвовать в религиозной и церковной жизни	3,91	3,93	3,89

Практически все показатели таблицы ниже среднего значения (4), и это означает, что, по мнению респондентов, во всех перечисленных сферах жизнедеятельности эстонцы имеют преимущество. Единственное исключение для русских – это возможность участвовать в церковной и религиозной жизни. Эстонцы кроме того полагают, что меньшинства имеют равные с ними возможности в материальной сфере – бизнес и благосостояние, хотя сами неэстонцы не разделяют подобного оптимизма. Вот пример независимых статистических данных, которые показывают, что точка зрения эстонских респондентов довольно далека от реальности, особенно в Таллине.

Таблица 14. Нетто-доходы эстонцев и неэстонцев в Таллине* (%)³⁰

	Низкие	Средние	Высокие	Отсутствуют
Эстонцы	25	41	25	10
Неэстонцы	31	37	15	17

** За вычетом лиц, отказавшихся отвечать на вопрос
Общереспубликанское исследование «Мониторинг интеграции» 2005 года*

Можно, конечно, спекулировать на тему того, что в нашем опросе речь шла о *возможностях*, которыми эстонцы успешно пользуются, в то время как русские нет. Но поскольку речь идет о *системном* неравенстве, то непредвзятый исследователь не может не сделать

³⁰ M. Pavelson „Eestlaste ja eestivenelaste sotsiaalmajanduslik seisund: ootused ja muutused“ // Uuringu Integratsiooni Monitooring 2005 Aruanne, Tallinn, lk. 12.

вывода о соответствии субъективного мнения русских респондентов реальной ситуации в обществе. Можно добавить, что, во-первых, данные Таблицы 13 практически полностью совпадают с результатами опроса 2001, и с этой точки зрения ситуация не изменилась в лучшую сторону. Во-вторых, эти данные согласуются с результатами «Мониторинга интеграции»:

Таблица 15. Оценка положения эстонцев и русских в эстонском обществе (%)³¹

	Эстонцы	Русские			
		Все	Граждане Эстонии	Лица без какого-либо гражданства	Граждане России
Положение эстонцев выше	73	87	83	90	90
Эстонцы и неэстонцы равны	19	12	15	9	7
Положение неэстонцев выше	2	1	2
Затрудняюсь ответить	6	1	1	...	1

Общереспубликанское исследование «Мониторинг интеграции» 2005 года

Остается лишь повторить вывод, который был сделан на основании предыдущего исследования 2001 года:

Полученные данные позволяют заключить, что русскоязычные жители Таллина чувствуют себя ущемленными и неравноправными по сравнению с эстонцами, и эстонцы, в общем, согласны с такой оценкой. Степень ущемленности, разумеется, различна. В религиозном отношении разницы, практически, нет; в сфере бизнеса или в вопросах социальной защиты существует небольшое «умеренное» неравенство. В области образования, а также относительно возможности обеспечить себе материальное благосостояние респонденты чувствуют себя в высокой степени ущемленными. А ситуация в сфере политики воспринимается как явная дискриминация³².

Можно добавить, что право на равное участие в общественно-политической жизни относится к сфере основных (фундаментальных) прав человека, поэтому дискриминационные отношения в этой сфере особенно показательны.

Интересна динамика ответа на вопрос, с помощью которого мы попытались выяснить, какие «объективные причины» респонденты называют, чтобы объяснить существующее неравенство. Вопрос формулировался так: «Как известно, большинство постов в парламенте, правительстве, в органах местного самоуправления занимают эстонцы. Как Вы считаете, в чем могут заключаться преимущества эстонцев по сравнению с неэстонцами?» Ответы приведены в Таблице 16 (каждый респондент выбирал только один вариант):

³¹ I. Pettai, „Sallivus rahvussuhetes Eestis...“ Lk. 39. Даны суммы ответов «в какой-то степени выше» и «ощутимо выше».

³² А. Семенов, «Межэтнические отношения...». С. 53.

Таблица 16. В чем заключаются преимущества эстонцев перед неэстонцами? (%)

	Этническая группа			
	Эстонцы		Неэстонцы	
	2001	2005	2001	2005
Правовой статус (гражданство)	38,8	32,3	16,9	18,9
Владение государственным языком	19,5	31,4	12,4	14,4
Национальность/ этническое происхождение	14,5	8,6	44,2	48,0
Связи и знакомства	12,1	9,2	18,5	10,7
Активность и предприимчивость	9,2	10,2	4,1	4,8
Владение иностранными языками	2,7	4,6	0,6	0,8
Трудно ответить	3,3	3,7	3,3	2,4

Как видно, за пять лет большинство русских респондентов (почти половина) лишь укрепились во мнении, что *дискриминация* в области доступа к государственным и политическим постам *существует и основана на этнической принадлежности*. Для них правовое положение (гражданство) и естественное преимущество эстонцев в знании государственного языка второстепенны, а личностные качества (предприимчивость, знание иностранных языков) практически не играют какой-либо роли.

Последние факторы второстепенны и для большинства эстонских опрошенных, хотя они и оценивают собственные личные качества вдвое выше. Однако приходится констатировать, что в целом эстонские респонденты, по-видимому, все еще живут реалиями прошлого – начала 1990-х годов, когда существовала ситуация массового безгражданства (правового неравенства), и в массе русские жители слабо владели эстонским (государственным) языком. С тех пор ситуация сильно изменилась, особенно в сфере языка и особенно в Таллине, так что это мнение представляется явно поверхностным и упрощенным. К сожалению, такова и официальная позиция эстонских властей, выраженная, кроме прочего, и в государственной программе интеграции.

3. Восприятие истории и выбор моделей развития общества

Положение общин в советское время

Что касается опрошенных эстонцев, то их упорное нежелание признавать существование неравенства по этническому признаку может быть обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, в эстонском общественном и медийном дискурсе существует убежде-

ние, что русские чувствуют свою ущемленность в силу того, что они лишились тех *привилегий*, которыми пользовались в советское время, поэтому речь идет не о дискриминации русских, а о возврате к «исторической справедливости». В свое время даже предпринимались попытки научно обосновать это утверждение. Так, Аксель Кирх писал, что «иммигранты имели *реальные экономические привилегии* и могли получать хорошие квартиры почти немедленно, в то время как коренное население вынуждено было ждать десятилетиями»³³. Забавно, однако, что кроме очередей на квартиры он не сумел представить никаких других «реальных экономических привилегий».

Тем не менее тезис о «привилегиях русских» сначала стал любимым журналистским штампом, а ныне превратился в устойчивый стереотип общественного сознания для эстонцев. С ним согласны подавляющее большинство эстонцев и даже значительная доля русских респондентов:

Таблица 17. Считаете ли вы, что в «советское время» русские находились в привилегированном положении по сравнению с эстонцами?

	ПО ВЫБОРКЕ		Этническая группа			
	Число	%	Эстонцы		Неэстонцы	
			Число	%	Число	%
Да, безусловно	112	16,0	96	29,5	16	4,3
Да, в какой-то мере	241	34,4	144	44,3	97	25,9
Нет	244	34,9	28	8,6	216	57,6
Затрудняюсь ответить	103	14,7	57	17,5	46	12,3
ВСЕГО	700	100,0	325	100,0	375	100,0

Как видно из Таблицы 17, хотя и не единодушно, но все же три четверти эстонцев верит в привилегированное положение русских в советское время. При этом, как указывалось выше, эксперты в начале 1990-х не смогли предъявить здесь доводов иных, чем некоторые преимущества приезжих работников при получении квартир. И действительно, проблема получения квартиры существовала в Советском Союзе. С другой стороны, как могли предприятия союзного подчинения ввозить рабочую силу, не обеспечивая работников жильем? Кроме того упоминаемые А. Кирхом «хорошие квартиры» на деле означали панельное жилье в окраинных районах новостроек – что вряд ли тянет на «*реальные экономические привилегии*», да еще выделенные автором курсивом. Известно, что большая часть ввозимой рабочей силы – это шахтеры, докеры, строители, в меньшей мере квалифицированные рабочие и инженеры. Если относить строителей и докеров к привилегированным группам, то само понятие «привилегия» теряет всякий смысл.

Что же понимают респонденты под привилегированным положением русских?

³³ А. Kirch, М. Kirch, Т. Tuisk, *The Non-Estonian Population Today and Tomorrow: A Sociological Overview*, Tallinn, 1992. P. 5.

Таблица 18. Как вы считаете, кому в «советское время» было легче и проще?

(1 – эстонцам было легче, 4 – равные возможности, 7 – неэстонцам было легче)

	ПО ВЫБОРКЕ	Этническая группа	
		Эстонцы	Неэстонцы
Получить квартиру	4,67	5,59	3,86
Пользоваться родным языком	4,65	5,09	4,26
Выезжать за границу	4,46	5,03	4,01
Быть избранным в органы власти	4,37	5,23	3,66
Вступить в компартию	4,36	4,94	3,86
Получать премии (грамоты, медали, дипломы)	4,27	4,65	3,95
Участвовать в работе общественных организаций	4,23	4,57	3,95
Сделать карьеру	4,17	4,85	3,60
Приобрести дом, дачу	4,16	4,77	3,66
Устроиться на хорошую работу	4,11	4,83	3,49
Получить высшее образование	4,03	4,24	3,86
Получать высокую зарплату	4,03	4,61	3,54
Пользоваться благами культуры (книги, театры, музеи, и т.д.)	3,98	3,99	3,97

Для эстонских респондентов практически все значения предложенных параметров выше среднего значения 4, т.е., по их мнению, русские имели преимущество во всех перечисленных сферах, кроме сферы культуры.

Примечательно, что это мнение не подтверждается данными статистики и социологических исследований. Так, уровень зарплат и доходов был практически одинаковым, как и возможность участия в общественных организациях. Более того, по некоторым параметрам ситуация была скорее противоположной, т.е. в пользу эстонцев. В 1994 году социолог Андрус Парк отмечал, что хотя доля эстонцев в населении ЭССР в конце 1980-х составляла 62,5%, их доля среди «руководящих органов» республики была 72%, среди научных работников 67%, работников культуры и искусства 84%, в образовании 71%. Среди студентов эстонских ВУЗов русские составляли только 20,2%, а эстонцы, соответственно, 79,8%. Еще красноречивее данные об участии в общественно-политической жизни. В 1980-х годах 70-80% членов Верховного Совета ЭССР были этнические эстонцы. Что еще

более важно, они занимали те же 70-80% мест в ЦК КПЭ, иными словами, среди реальной номенклатурной политической элиты³⁴.

К реальным преимуществам русских в советское время кроме пресловутого «квартирного вопроса» можно, пожалуй, отнести использование родного языка (*де-факто* официального в СССР) и, с оговорками, – возможность выезжать за границу. В последнем случае речь зачастую шла не об ущемлении эстонцев по этническому признаку, но о том, что у многих были родственники за границей (к тому же эмигранты) – подозрительное обстоятельство в глазах чиновников ОВИРа.

Ответы русских респондентов, напротив, варьируются в районе среднего балла шкалы или даже ниже 4 – иными словами, они не разделяют мнения о своем привилегированном положении. Что, как показано выше, явно ближе к реальности. Остается, правда, неясным, что имели в виду те 30%, которые согласились с этим утверждением, по данным Таблицы 17. Не исключено, что многие просто повторили господствующий в официальном дискурсе стереотип.

Модели развития общества

Второе обстоятельство, благодаря которому эстонские респонденты демонстрируют некую «нечувствительность» в вопросе дискриминации меньшинств, связано с их представлениями о *моделях развития общества*. Прежде чем описывать данные, относящиеся к этому сюжету, следует повторить ряд поясняющих и теоретических замечаний, приведенных в отчете исследования 2001 года.

Процесс общественного строительства базируется на эксплицитном, либо имплицитном понимании самого феномена. Два противоположных подхода, которые доминируют как в академических дискурсах, так и в общественно-политических дискуссиях, можно в широком смысле обозначить как *включающий* либо *исключающий*. Практически во всех государствах Восточной и Центральной Европы (не говоря уже о Кавказе и странах Центральной Азии) наиболее «популярным» в последнее время является исключение на этнической и/или языковой основе. Соответствующие подходы, таким образом, обычно описываются как гражданская и этническая модели общественного развития.

Гражданская модель базируется на опыте успешно развивающихся демократий, основанных на общих и обязательных для всех стандартах, в том числе и на принципе демократии участия. Интересы всех общественных составляющих должны быть сбалансированы и защищены законом. Этническая идентичность и интересы всех групп должны равным образом уважаться. Гражданская модель предполагает установление объективных и независимых политических институтов; равный доступ к участию в этих институтах для всех членов общества; культивирование сознания единства и солидарности среди членов общества. Разумеется, и неравенство, и дискриминация могут существовать (и часто существуют) и при наличии гражданской модели, но они не принимаются за *норму*, и государство и общество предпринимают усилия по борьбе с неравенством и дискриминацией.

Этническая модель основана на идее «национального государства», когда термин «национальный» является синонимом «этнического», тем самым подменяя его.

³⁴ A. Park, "Ethnicity and Independence: The Case of Estonia in Comparative Perspective", in *Europe-Asia Studies*, vol. 46, no. 1, 1994. P. 69-87.

Государство, таким образом, рассматривается как принадлежащее по преимуществу одной доминирующей этнической группе. Эта группа стремится легитимизировать свое исключительное право на власть, используя такие понятия как «титულიная», «конституирующая», «историческая», или «государствообразующая» нация. Представитель титульной нации является членом общества автоматически, благодаря своему этническому происхождению. Представители других этнических групп на формальном или декларативном уровне могут быть признаны равными, но, в сущности, более или менее эксплицитно воспринимаются как «аномалия», их терпят как пришельцев, которые должны еще «заслужить» право на место в обществе. В этом случае неравное положение этнических групп как раз воспринимается как нормальная ситуация.

Исходя из этих общих теоретических описаний, мы выделяли четыре проблемные области, где различия между двумя моделями обозначаются наиболее контрастно. В конкретной ситуации Эстонии это (1) проблема гражданства; (2) политические права и права человека; (3) право на участие в управлении; (4) культура и язык. Для каждой сферы были сформулированы пары контрастных суждений, и респондент должен был выбрать одно из них, с которым он более склонен согласиться. Во всех случаях выбор варианта А означал ориентацию на гражданскую модель, выбор варианта Б – на этническую. Ответы респондентов в 2001 и 2005 годах представлены в следующих таблицах, и, в общем, они говорят сами за себя:

Таблица 19. Какое утверждение больше всего отвечает вашим взглядам? (%)

А – каждый имеет право на гражданство страны, в которой постоянно живет и с которой больше всего связан

Б – право на гражданство имеют прежде всего представители коренного народа, потому что это их страна

	Этническая группа			
	Эстонцы		Неэстонцы	
	2001	2005	2001	2005
Утверждение А	47,9	49,2	94,8	90,1
Утверждение Б	49,1	44,3	3,6	6,9
Затрудняюсь ответить	3,0	6,5	1,7	2,9

Таблица 20. Какое утверждение больше всего отвечает вашим взглядам? (%)

А – каждый гражданин имеет право на участие в управлении страной, вне зависимости от его языка и происхождения

В – государством должны управлять представители коренного народа, а также те, кто доказал свою лояльность

	Этническая группа			
	Эстонцы		Неэстонцы	
	2001	2005	2001	2005
Утверждение А	20,4	18,8	74,9	80,5
Утверждение Б	76,0	75,7	15,7	15,2
Затрудняюсь ответить	3,6	5,5	9,4	4,3

Таблица 21. Какое утверждение больше всего отвечает вашим взглядам? (%)

А – все постоянные жители страны должны обладать правами человека, включая политические права

В – все жители должны обладать правами человека, но политическими правами должны пользоваться прежде всего представители коренного народа

	Этническая группа			
	Эстонцы		Неэстонцы	
	2001	2005	2001	2005
Утверждение А	53,8	52,6	87,6	86,9
Утверждение Б	43,8	40,0	6,6	10,1
Затрудняюсь ответить	2,4	7,4	5,8	2,9

Таблица 22. Какое утверждение больше всего отвечает вашим взглядам? (%)

А – каждый имеет право на сохранение своего языка и культуры, нельзя развивать одну культуру за счет другой

В – в стране должна развиваться прежде всего культура представителей коренного народа, другие культуры могут развиваться в их собственных странах

	Этническая группа			
	Эстонцы		Неэстонцы	
	2001	2005	2001	2005
Утверждение А	69,8	69,5	92,5	91,2
Утверждение Б	27,2	23,4	4,7	4,3
Затрудняюсь ответить	3,0	7,1	2,8	4,5

Таким образом, большинство эстонцев поддерживает либеральные установки лишь в сфере культуры. В то же время три четверти (76%) эстонских респондентов считают и продолжают считать, что правом на участие в управлении страной должны обладать не все *граждане* на равной основе, но лишь представители коренного народа, т.е. они сами. В свою очередь это означает, что хотя чуть больше половины эстонцев выступают за предоставление гражданства и политических прав всем постоянным жителям страны, многие из них, тем не менее, не готовы видеть в русских полноправных партнеров и сограждан. Меньшинства должны довольствоваться ролью пассивных объектов политического процесса, субъектом которого являются эстонские партии. Такое представление является типичным для так называемой модели «этнической демократии»³⁵. Очевидно, что большинство эстонских респондентов искренне не понимают, что как раз такого рода взаимоотношения в обществе и подпадают под определение *сегрегации*.

Данные также показывают, что эти представления и установки достаточно стабильны: за время, прошедшее между опросами изменения в распределении ответов минимальные, и разницу в 1-3% можно отнести, скорее всего, на счет вариаций выборки и некоторого увеличения доли не определившихся. Готовность эстонского населения к интеграции общества по-прежнему низкая, и деятельность в рамках правительственной программы ничего не изменила в этом отношении.

Русские (неэстонские) респонденты, со своей стороны, демонстрируют стабильное и устойчивое тяготение как раз к гражданской модели развития общества. Этнической мобилизации русских (направленной против эстонцев либо против эстонского государства) не произошло. Это можно считать позитивным фактором, поскольку он снижает вероятность развития этнического конфликта в Эстонии. В то же время очевидно, что два основных этнических сообщества совершенно по-разному, чуть ли не противоположным образом, оценивают модели и перспективы развития Эстонии. Это еще одно свидетельство глубокого раскола в обществе, на наш взгляд, даже более серьезного, чем политико-эконо-

³⁵ S. Smooha, "Ethnic Democracy: Israel as an Archetype", in *Israel Studies*, vol. 2, no. 2, 1997. P. 198-241. См. также: G. Smith, "The Ethnic Democracy Thesis and the Citizenship Question in Estonia and Latvia", in *Nationalities Papers*, vol. 24 no. 2, 1998; P. Järve, *Ethnic Democracy and Estonia*....

мическое неравенство или информационная (медийная) изоляция, которую склонны подчеркивать многие эстонские коллеги. Речь идет о глубинных ценностях.

На основании приведенных данных можно заключить, что подавляющее большинство опрошенных русскоязычных жителей Таллина являются убежденными сторонниками модели гражданского общества. Здесь есть, правда, интересный нюанс. Суждения, представляющие другую, т.е. «этническую модель» были сформулированы исходя из ситуации именно в Эстонии и на базе аргументации эстонских этнических националистов. Неудивительно, что эти суждения звучали знакомо и воспринимались негативно большей частью русских респондентов. Значит ли это, что на их установки проецируется ситуация «уязвимого меньшинства», которое стремится преодолеть свою ущемленность и изолированность, и если бы они находились в доминирующей позиции, то результаты были бы другими? В рамках данного исследования невозможно получить четкий ответ на этот вопрос. Существуют, однако, свидетельства того, что русские постоянно демонстрировали большую открытость и готовность к межэтническим контактам, нежели эстонские респонденты, в том числе и в советский период (когда они находились, по мнению эстонцев, в привилегированном положении). Вот, например, какие установки на межэтническую замкнутость – открытость, по данным американских социологов, демонстрировали респонденты в конце 1980-х годов (ср. эти данные с Таблицей 6):

Таблица 23. Предпочтение моноэтнических соседей, моноэтнического коллектива на работе и моноэтнического брака (%)³⁶

	Эстонцы	Русские
<i>Предпочтительный коллектив на работе</i>		
Моноэтнический	65	7
Все равно	33	57
Мультиэтнический	3	35
<i>Предпочтение соседей</i>		
Моноэтнические	67	5
Все равно	32	78
Мультиэтнические	1	17
<i>Предпочтение брака</i>		
Брак с членом этой же группы	61	10
Все равно	34	83
Брак с членом другой группы	4	8

Исследование Б.А.Андерсон, Б.Д.Силвера, М.Титма и Е.Понарина

³⁶ B.A.Anderson, B.D.Silver, M.Titma, E.D.Ponarin, "Estonian and Russian Communities", in *International Journal of Sociology*, vol. 26, no. 2, 1996. P. 40.

Отмечая значительный перевес русских по параметру открытости и терпимости, авторы оговаривались, что в унитарном национальном государстве, оказавшись в ситуации угнетенного меньшинства, они могут сменить эти установки на более закрытые – в виде своего рода защитной реакции. Как видим, пока что этого не произошло.

События 1940 года

Еще одним фактором и свидетельством несимметричности межобщинных взаимоотношений и установок является различная, почти противоположная интерпретация событий истории. В первую очередь это относится к присоединению Эстонии к СССР в 1940 году.

Таблица 24. В 1940 году была провозглашена Эстонская Советская Социалистическая Республика и Эстония оказалась в составе СССР. Ваша оценка этого события.

	ПО ВЫБОРКЕ		Этническая группа			
	Число	%	Эстонцы		Неэстонцы	
			Число	%	Число	%
Это была военная оккупация, которая продолжалась до 1991 года	236	33,7	209	64,3	27	7,2
Это было присоединение Эстонии к СССР под угрозой применения силы	205	29,3	88	27,1	117	31,2
Это было добровольное вступление Эстонии в СССР	151	21,6	3	0,9	148	39,5
Затрудняюсь ответить	108	15,4	25	7,7	83	22,1
ВСЕГО	700	100,0	325	100,0	375	100,0

Комментировать эти данные, пожалуй, излишне. Однако нельзя не отметить, что хотя представление о пятидесятилетней оккупации в настоящее время однозначно господствует в официальном дискурсе, треть эстонских респондентов, тем не менее, не разделяют эту позицию. Что касается русских, то около 40% верят в добровольное вступление Эстонии в СССР; довольно значительна доля тех, кто затруднился с ответом (22 %); с тезисом о многолетней оккупации согласны лишь 7%.

Последняя цифра совпадает с данными мониторинга интеграции эстонских коллег. Так, в исследовании Райво Ветика вопрос был сформулирован следующим образом:

Таблица 25. Эстония добровольно вступила в 1940 году в состав СССР или была оккупирована Советским Союзом? Неэстонцы (%)³⁷

	2002	2005
Полностью добровольно	16	20
Скорее добровольно	27	36
Скорее оккупирована	26	23
Конечно, оккупирована	6	7

Общереспубликанское исследование «Мониторинг интеграции» 2005 года

Здесь обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Так, вопрос был задан не вполне корректно: в сущности, представлена единственная альтернатива оккупации – добровольное вступление, – что, разумеется, является явным упрощением сложной историко-политической реальности. Такой подход, однако, хорошо отражает категоричную безапелляционность официального дискурса. Также не вполне ясно, что конкретно имели в виду те, кто выбрал варианты «скорее добровольно» или «скорее оккупирована». В любом случае среди респондентов-неэстонцев доля людей, полагающих, что Эстония добровольно вступила в СССР, лишь возросла за период между 2002 и 2005 годами, а полное согласие с представлением об оккупации выразили лишь те же 6-7%.

Если бы речь шла о событиях далекой истории, то этот вопрос не привлек бы нашего внимания. Но дело в том, что от официальной трактовки событий напрямую зависит отношение к сегодняшней ситуации, ведь она слишком легко позволяет «оправдать» отсылками к оккупации неравное положение людей, приехавших в Эстонию в советское время. Более того, отрицание оккупации рассматривается (по крайней мере в прессе и на официальном уровне) как подозрительное неодобрение официальной политики в отношении меньшинств.

Заключение

- Значительная доля эстонцев полагает, что взаимоотношения между русскими и эстонцами за годы независимости улучшились. Большинство неэстонцев с этим не согласно.
- Степень интенсивности контактов между эстонцами и неэстонцами меньше, нежели можно ожидать с учетом этнического состава населения города. Обращает на себя внимание, что только половина респондентов в обеих группах встречается на работе с представителями другой группы часто или иногда.

³⁷ R. Vetik, "Identiteedi probleem integratsioonis: sobiva proportsiooni leidmine avaliku sfääri ühtlustumise ja erasfääri erinevuste säilitamise vahel" // *Uuringu Integratsiooni Monitooring 2005 Aruanne*, Tallinn, lk. 89.

- Русские (неэстонцы) продолжают демонстрировать большую открытость и готовность к межэтническим контактам, нежели эстонские респонденты, и эта тенденция сохраняется на протяжении последних 20 лет. В целом, доля людей с ксенофобными установками среди эстонцев в несколько раз выше, чем у русских, что подтверждается данными других исследований.
- Подавляющее большинство опрошенных согласно с тем, что основные этнические группы в Эстонии изолированы друг от друга. Однако для многих респондентов факт раскола по этническому признаку не свидетельствует о существовании дискриминационных отношений в обществе.
- Вместе с тем полученные данные позволяют заключить, что русскоязычные жители Таллина чувствуют себя ущемленными и неравноправными по сравнению с эстонцами, и эстонцы, в общем, согласны с такой оценкой. Почти половина русских считает, что дискриминация в области доступа к государственным и политическим постам существует и основана на этнической принадлежности. Эстонцы же склонны относить свое преимущественное положение на счет правового статуса (гражданства) и знания языка.
- Неэстонцы в целом негативно оценивают законы, лежащие в основе языковой политики, а также политики в отношении гражданства и иностранцев. Одновременно с этим неэстонцев отличает высокий уровень доверия к органам власти и управления, что обеспечивает общественную стабильность.
- О наличии личного опыта дискриминации за последние три года заявляли в основном неэстонцы, хотя в отношении некоторых сфер деятельности на этот же опыт сослались и эстонцы. Больше всего и те, и другие указывали на случаи ограничения их прав или недостойное обращение на основании «национальности» в сфере торговли и на общественном транспорте, т.е. в местах, где даже «изоляционисты» из обеих групп вынуждены пересекаться с представителями другой общины. Значительная часть неэстонцев (17%) сослалась на такой негативный опыт на рабочем месте (включая 15% граждан Эстонии по натурализации, т.е. людей с урегулированным статусом, которые обычно владеют государственным языком).
- Официальная программа интеграции не пользуется особой поддержкой населения, и за последние годы отношение к ней лишь ухудшилось, особенно среди эстонцев. При этом основания для недовольства неодинаковы для представителей обеих групп, что связано с различными ожиданиями от программы. Для русских интеграция связывается прежде всего с реальными социальными потребностями, в то время как в интеграционном видении эстонцев преобладают символические ценности. Стоит также отметить, что меньшинства плохо информированы о работе основных институтов, которые занимаются данной проблематикой. Очевидно, что подходы к реформе русскоязычного образования (как элемента интеграционной политики) в обеих общинах существенно различаются.
- Отсутствие среди эстонских респондентов готовности признавать существование неравенства по этническому признаку обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, в эстонском общественном и медийном дискурсе существует убеждение, что русские всего лишь потеряли те *привилегии*, которыми пользовались в советское время, поэтому речь идет не о дискриминации, а о возврате к «исторической справедливости».

- Во-вторых, большинство эстонцев ориентируется не на *гражданскую*, а на *этническую* модель построения общества, поэтому воспринимает свое доминирующее положение как должное и не видит в этом признаков сегрегации. Установки русских прямо противоположны, что является еще одним свидетельством глубинного раскола в обществе.
- Наконец, большинство эстонцев разделяет представление о пятидесятилетней оккупации Эстонии Советским Союзом, которое в настоящее время однозначно господствует в официальном дискурсе (и среди многих социальных исследователей). Поэтому мигранты, приехавшие в Эстонию в этот период, не воспринимаются как полноправные сограждане, а ущемление их прав – как дискриминация. То обстоятельство, что полное согласие с представлением об оккупации выразили 64% эстонцев, но лишь 7% русских, лишь усугубляет взаимное недопонимание и раскол в обществе.

Центр информации по правам человека

Центр информации по правам человека был основан 2 мая 1994 г. при содействии неправительственных организаций Дании и Эстонии. Активную деятельность он начал в январе 1995 г.

Центр является независимым неправительственным не доходным объединением, деятельность которого осуществляется по конкретным проектам.

Центр выделяет четыре приоритетные сферы своей деятельности:

1. Предотвращение конфликтов: выявление причин возможных конфликтов через анализ и распространение информации, повышение уровня знаний о правах человека;
2. Содействие формированию общества, основанного на стандартах прав человека;
3. Анализ эстонского законодательства в области прав человека на соответствие его международному праву;
4. Оказание правовой помощи лицам, чьи права не гарантируются должным образом или нарушаются. Для этого юристы Центра ведут индивидуальный прием или отвечают на запросы через Интернет.

Публикации Центра информации по правам человека

1. Erik André Andersen, *Erastamine Eestis ühiskonna etnilist jagunemist*. Tallinn, 1997; ISBN 9985-9165-4-9
2. Эрик Андре Андерсен, *Этнически разделенное общество как результат приватизации в Эстонии*. Таллин, 1997; ISBN 9985-9165-5-7
3. *Rahvusvahemused Eestis: siseriiklikud seadused ja rahvusvahelise õiguse sätted. Rahvusvahelise seminarariuanne*. Tallinn, 25-26.04.1997.a.; ISBN 9985-9165-2-2
4. *Ethnic Minorities in Estonia: Domestic Law and International Instruments. Report of the International Seminar*. Tallinn, 25-26.04.1997; ISBN 9985-9165-0-6
5. *Этнические меньшинства в Эстонии: внутреннее законодательство и международные инструменты. Отчет международного семинара*. Таллин, 25-26.04.1997 г.; ISBN 9985-9165-1-4
6. *Identiteedi kujunemise probleemid post-sotsialistlikus keskkonnas (Tallinna rahvusvahemuste kogemuse alusel). Uuringu aruanne*. Tallinn 1999-2000; ISBN 9985-9165-7-3
7. *Интеграция в Эстонии: проблемы и перспективы. Отчет рабочего семинара*. Таллин, 12 мая 2000 г. - *Eesti ühiskonnas integratsiooni protsessi probleemid ja arengusuunad. Tööaruanne*. Tallinn, 12. mai 2000.a.; ISBN 9985-9165-6-5
8. *Международная практика использования прав национальных меньшинств в Эстонии. Отчет регионального семинара*. Маарду (Эстония), 28 марта 1998 г. - *Strengthening the Awareness on Minority Rights in Estonia. Report of the Local Seminar. Maardu (Estonia)*, 28 March 1998. Tallinn 1999; ISBN 9985-9165-8-1
9. *Inimõigused: üksikisikute kaebused ÜRO-le ja Euroopa Nõukogule. Materjalide kogumik*. Tallinn, 2000, 64 lk.; ISBN 9985-9319-0-4
10. *Права человека: индивидуальные жалобы в ООН и Совет Европы. Сборник материалов*. Таллин 2000, 72 стр.; ISBN 9985-9319-1-2
11. *Rahvusvahelised dokumendid, ratifitseeritud Eestis. Meesjuuradonid dokumendid, ratifitseeritud Eestis. International Treaties, ratified by Estonia*. Tallinn 2000; 300 lk./p.; ISBN 9985-9165-3-0; Tallinn 1998; 299 lk./p.; ISBN 9985-9165-3-0
12. *Институт открытого общества, Программа мониторинга расширения ЕС, Охрана прав меньшинств в Эстонии 2001*, 50 стр.; ISBN 9985-9319-5-5
13. *Социальный и экономический аспекты процесса интеграции в эстонском обществе: круглый стол 23 ноября 2000 г., Таллин, Эстония = Eesti ühiskonnas integratsiooniprotsessi sotsiaalne ja majanduslik aspekt: ümarlaud 23. novembril 2000. a., Tallinn, Eesti*; 58 стр./lk., 2001; ISBN 9985-9319-2-0
14. *Развитие принципов недискриминации и защиты меньшинств: задачи Эстонии. Материалы международного семинара*. Таллин (Эстония), 14-15.01.2002. - *Recent Developments in the Field of Non-Discrimination and Minority Protection and Challenges for Estonia. Materials of International Seminar*. Tallinn (Estonia), 14-15.01.2002; 80 стр./p.; ISBN 9985-9319-8-x
15. Алексей Семенов (ред.), *Интеграция в Таллине 2001, Анализ данных социологического исследования*, Таллин, 2002, 102 стр.; ISBN 9985-9319-7-1
16. Aleksei Semjonov (toim.), *Integratsioon Tallinnas 2001, Sotsioloogilise uuringu andmete analüüs*, Tallinn, 2002, 95 lk.; ISBN 9985-9319-6-3
17. *Национальные меньшинства в странах Балтии: процесс интеграции. Материалы международного семинара*. Таллин (Эстония), 14-15 июня 2002 года. - *Minorities in the Baltics: Processes of Integration. Materials of International Seminar*. Tallinn (Estonia), 14-15 June 2002; 80 стр./p.; ISBN 9985-9410-2-0
18. *Выполнение Эстонией Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств*, Таллин, 2002, 87 стр.; ISBN 9985-9410-0-4
19. *Принцип недискриминации в Эстонии: права женщин и детей и исполнение международных обязательств: материалы семинара, 22-23 февраля 2002 г., Силламяэ, Эстония*; 41 стр., 2002; ISBN 9985-9319-9-8
20. *Меньшинства и большинство в Эстонии: проблемы интеграции в европейском контексте. Материалы международного семинара, Таллин, Эстония, 15-16 ноября 2002 года - Minorities and Majorities in Estonia: Problems of Integration within a Broader European Context. International Seminar Materials, Tallinn, Estonia, 15-16 November 2002*, Tallinn, 2003, 63 стр./p.; ISBN 9985-9410-5-5
21. *Võitlus inimkaubanduse vastu Eestis: naised ja lapsed. Seminar materjalid*. 20. jaanuaril 2003. Tallinn, Eesti - *Борьба против торговли людьми в Эстонии: женщины и дети. Материалы семинара*. 20 января 2003 года, Таллин, Эстония - *Combating Human Trafficking in Estonia: Women and Children. Materials of the Seminar*. 20 January 2003, Tallinn, Estonia. Tallinn, 2003, 62 lk./стр./p., ISBN 9985-9410-6-3
22. Vadim Poleshchuk (ed./toim.), *Baltimaade dilemmad: seminari ettekanded etnopolitiikast = Балтийские дилеммы: Выступления по вопросам этнополитики = The Baltic Dilemmas: Seminar Presentations on Ethnic Policies*, Tallinn, 2003, 50 lk./p./стр.; ISBN 9985-9410-3-9
23. Paul Downes, *Living with Heroin: Identity, social Exclusion and HIV among Russian-speaking Minorities in Estonia and Latvia*, Tallinn, 2003, 153 p.; ISBN 9985-9410-4-7
24. Paul Downes, *Elu herooiniga: Identiteet, sotsiaalne tõrjutus ja HIV Eesti ja Läti venekeelsete vähemuste seas*, Tallinn, 2003, 150 lk.; ISBN 9985-9410-7-1
25. Пол Даунс, *Жизнь с героином: Идентичность, социальное отторжение и распространение ВИЧ среди русскоязычного меньшинства в Эстонии и Латвии*, Таллин, 2003, 162 стр., ISBN 9985-9410-8-x
26. Vadim Poleshchuk, *Non-citizens in Estonia. Report 2004*, Tallinn, 2004, 57 p.; ISBN 9985-9410-9-8
27. Лариса Семенова (ред.), *Предотвращение торговли людьми и трудоустройство за границей. Справочник*, Таллин, 2004, 124 стр.; ISBN 9985-9542-0-3
28. Larissa Semjonova (toim.), *Inimkaubanduse ennetamine ja töörakendus välismaal. Teatmik*, Tallinn, 2004, 88 lk.; ISBN 9985-9542-1-1
29. *Media against Intolerance and Discrimination: Estonian Situation and International Experience: Selected Materials*, Tallinn, 2006; ISBN 9985-9542-2-x
30. Klara Hallik, Vadim Poleshchuk, Andrus Saar, Aleksei Semjonov, *Eesti: rahvusvahelise ebavõrdse kohtlemise probleemid Tallinnas = Estonia: Interethnic Relations and the Issue of Discrimination in Tallinn*, Tallinn, 2006; ISBN 9985-9542-3-8
31. *Вадим Полещук, Андрус Саар, Алексей Семенов, Клара Халлик, Эстония: межэтнические отношения и проблема дискриминации в Таллине*, Таллин, 2006, 70 стр.; ISBN 9985-9542-4-6